

# РУКОВОДСТВО

для

# СЕЯЩИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

выходитъ еженедѣльно.

Цѣна годовому изданію на  
мѣсть четыре руб., съ пере  
сылкою пять р. с.

№ 48.

Подписка принимается въ  
редакціи сего журнала, при  
кіевской семинаріи.

1870 года. Ноября 29-го.

---

**Содержаніе.** Поученіе къ простому народу противъ нарушенія присяги. —  
Должность несломника въ православной Церкви. — Русскіе народныя преданія  
съ ихъ обрядами. — Русское проповѣдничество при Петрѣ I-мъ. — Объявленіе.

---

## ПОУЧЕНІЕ

къ простому народу противъ нарушенія присяги.

Часто вамъ, братіе, при нынѣшнемъ гласномъ судо-  
производствѣ, приходится присягать, когда призываютъ васъ  
во свидѣтели при разныхъ судебныхъ разбирательствахъ.  
Но, къ сожалѣнію, не все одинаково дорожите присягою, не  
все храните ее, какъ должно. Вы знаете конечно, какъ  
важна и дорога ваша присяга для судей. На вашихъ сви-  
дѣтельскихъ показаніяхъ, подтвержденныхъ присягою, глав-  
нымъ образомъ основываются они въ своихъ рѣшеніяхъ;  
потому что присяга есть самое святое и между тѣмъ са-  
мое послѣднее у нихъ средство къ открытію истины и об-  
личенію несправды. Потому, если покажутъ присягнушіе  
свидѣтели по сущей справедливости, то и судья рѣшить

дѣло справедливо и законно; покажутъ ложно, и судья по неволѣ оправдаетъ виновнаго, или наоборотъ осудитъ совершенно невиннаго и праваго. И въ этомъ онъ не будетъ виноватъ ни предъ закономъ, ни предъ людьми, ни передъ Самимъ Богомъ; вся вина падетъ на однихъ свидѣтелей, несправедливо показавшихъ. Что же заставляетъ свидѣтелей нарушать присягу, т. е. показывать, свидѣтельствовать не по чистой совѣсти, кривить душою?

Многое. Напримѣръ, сосѣдство, землячество, знакомство, дружба, кумовство, родство, денежный подкупъ, угощеніе, подарки, отвлеченіе отъ работы, путевыя издержки и хлопоты для явки по повѣсткѣ въ судъ, боязнь потерять благодѣтеля и покровителя въ лицѣ богача или начальника, о которыхъ приходится свидѣтельствовать; опасеніе нажить себѣ врага и лиходѣя въ какомъ нибудь ворѣ, безчинникѣ, клеветникѣ, у которыхъ всегда есть возможность отомстить хотя бы и за правду, а особенно въ томъ случаѣ, когда за самимъ свидѣтелемъ водятся какія либо грѣшки; также нежеланіе платить за подсудимаго, въ случаѣ его ссылки, оброкъ и повинности, да и мало ли какихъ бываетъ поводовъ къ нарушенію присяги. Нарушеніе присяги въ пользу иногда самаго зловреднаго и опаснаго человѣка нѣкоторые даже считаютъ дѣломъ христіанской любви и добродѣтели: «мы, говорятъ, должны любить несчастныхъ и дѣлать имъ добро, хотя бы они дѣлали намъ и зло... пусть не отъ насъ они страдаютъ».

Что сказать противъ всѣхъ этихъ и подобныхъ побужденій къ нарушенію присяги? Оправдываютъ ли они хотя сколько нибудь клятвенпреступниковъ? Нимало. Скрывать истину и потворствовать неправдѣ и обману—это нечестно и въ обыкновенномъ житейскомъ быту. Такихъ людей никто не любитъ и не уважаетъ; напротивъ отъ нихъ всѣ сторонятся, ихъ чуждаются и презираютъ. Но скры-



вать правду и утверждать кривду на судѣ, по требованію начальства, да еще подъ присягой—это въ высшей степени преступно и безбожно и никакія оправданія тутъ неизвиняютъ никого. Разберемъ эти оправданія.

Мы боимся показать сущую правду про богача или начальника, понавшихъ подъ судъ,—боимся, чтобъ одинъ не отказалъ намъ за то въ работѣ, которою мы кормимся и живемъ, а другой, чтобъ насъ при случаѣ не притѣснилъ и не разорилъ; мы боимся правдивымъ показаніемъ потерять друга, сосѣда, знакомаго и вооружить ихъ противъ себя, и потому оскверняемъ свою совѣсть и кривимъ душой, не смотря на то, что собственными устами клялись во всеуслышаніе показать чистую правду и запечатлѣли эту клятву цѣлованіемъ св. креста и Евангелія. А почему не боимся своимъ клятвопреступничествомъ прогнѣвить Господа Бога, *Которымъ мы живемъ, движемся, и существуемъ* (Дѣян. 17, 28), Который *мертвитъ и живитъ, убожитъ и богатитъ, смиряетъ и возвыситъ* (1 Цар. 2, 6, 7), *болѣти творитъ и пакы возставляетъ* (Іов. 5, 18)? Дружбой, знакомствомъ, хлѣбосольствомъ, покровительствомъ начальника и богача мы дорожимъ, а благоволеніемъ и благостію Творца своего и Господа—нѣтъ?.. И какъ не страшно предпочитать человека Богу, грѣшную тварь Творцу, беззаконника всеправедному Судіи, исключимаго раба Небесному Царю и Господу, Варавву разбойника—Спасителя нашему? Какое ослѣпленіе! Господь Богъ долженъ быть дороже, родственнѣе и ближе къ намъ самихъ нашихъ родителей, жены, мужа, дѣтей и всѣхъ и всего на свѣтѣ и, стало быть, если бы намъ привелось свидѣтельствовать и противъ нихъ, и тогда мы должны, забывши родство, говорить необинуясь одну сущую правду и тѣмъ предпочесть отцу или сыну своему Небеснаго Отца и Единороднаго Сына Его, Который говоритъ: *кто любитъ*

отца или мать больше, нежели Меня, недостойна Меня; и кто любит сына или дочь больше, нежели Меня, недостойна Меня (Мф. 19, 37). Притомъ, показавъ про своихъ близкихъ или знакомыхъ сущую правду, мы имъ сдѣлаемъ въ сущности не зло, а добро даже и въ томъ случаѣ, если бы имъ угрожала ссылка въ сибирь и въ каторгу, потому что, подвергнувъ ихъ наказанію временному за ихъ преступленіе, мы тѣмъ самымъ избавимъ ихъ отъ наказанія вѣчнаго на томъ свѣтѣ. Это ужъ надо знать всякому, что правда никого не губитъ, а только спасаетъ, какъ и говорить слово Божіе: *правда спасаетъ отъ смерти* (Притч. 10, 2). И какже послѣ этого закрытіе предъ судомъ и слѣдствіемъ преступника считать даже христіанскимъ дѣломъ милосердія и любви къ нему? Что это за понятія у подобныхъ свидѣтелей? Одобрять негодного человека и закрывать его отъ должной кары закона ужели значить любить его святою христіанскою любовію? Если такъ, то, любя и закрывая напр. вора, убійцу, мы не любимъ тѣхъ, которыхъ онъ обокрадалъ, убивалъ. Что же это такое, что мы злодѣевъ любимъ и закрываемъ, а обиженныхъ или честныхъ людей не жалѣемъ и не помогаемъ суду защитить ихъ? Не хороша такая любовь! Если желаемъ любить по христіански, такъ должны любить всѣхъ и притомъ любить такъ, чтобы, по выраженію Псалтири, *милость и истина срытались, правда и миръ лобызались* (Псал. 84, 11), т. е. чтобы любовь и правда, милость и законность другъ другу не противорѣчили, а согласовались. Что намъ за дѣло до того, если преступникъ, изблеченный нашими справедливыми показаніями предъ слѣдователемъ, пойдетъ хотя бы и въ сибирь и въ каторгу? Мы за то избавимъ цѣлое общество отъ злодѣя, а самаго злодѣя тѣмъ самымъ, можетъ статься, образумимъ, приведемъ въ чувство, заставимъ искупить въ настоящей жизни тяжесть зло-

дѣйствъ перенесеніемъ законнаго возмездія, да кромѣ того отымемъ у него возможность къ дальнѣйшимъ преступленіямъ.

Что сказать о нарушителяхъ присяги изъ-за подкупа, денсгъ, угощенія, подарковъ? Это вторые Іуды предатели, Христонпродавцы... Іуда продалъ Христа за тридцать сребренниковъ, а они продаютъ Его безцѣннаго часто, скажу прямо, за стаканъ вина. Іуда, предавая или указывая врагамъ Христа въ саду Геосиманскомъ, не устыдился облобызать-поцѣловать Его: такъ и эти продажные свидѣтели, цѣлуя во время присяги крестъ и Евангеліе, похожи на Іуду. Они надругаются надъ Христомъ; надругаются надъ Его св. Евангеліемъ, надругаются надъ животворящимъ крестомъ, на которомъ Христосъ пролилъ кровь Свою, пострадалъ и умеръ за наши неправды. И какая ожидаетъ ихъ участь на томъ свѣтѣ? Іудина. И эта ужасная участь постигнуть ихъ за деньги, за угощеніе, гостинецъ!... О! какъ легко *погубить душу свою!*

Но есть у нарушителей присяги, повидимому, и дѣйствительныя извиненія. »Вѣдь судъ, говорятъ они, часто вызываетъ къ допросамъ и отвѣтамъ въ самую рабочую или въ ненастную пору, и приходится идти часто издалека. А не явишься къ сроку, оштрафуютъ. Такъ лучше уклоняться вовсе отъ свидѣтельства, по пословицѣ: знайка бѣжить, а незнайка лежитъ. Да если и явиться въ судъ, да показать про преступника сущую правду и его послѣ сошлуть въ ссылку, то вотъ мы же и плати за него оброкъ и всѣ повинности, а мы и сами-то изъ недоимокъ не выходимъ. Такъ пусть его-не пеняетъ на насъ тѣмъ болѣе, что онъ въ нашемъ селеніи никому не вредитъ«. Плохой и этотъ расчетъ клятвопреступниковъ. Они разумѣется знаютъ, что путевыя и суточные издержки свидѣтелей по закону вознаграждаются достаточно, если о нихъ заявлено будетъ суду своевременно,

и если разстояніе отъ ихъ мѣстожителства не ближе 15-ти верстъ. Могутъ сообразить и то, что цѣлому обществу не Богъ знаетъ сколько придется заплатить за сосланнаго въ сибирь злодѣя до слѣдующей ревизіи. Между тѣмъ, освобожденный изъ-подъ суда и оставленный дома, сколько онъ опять причинить обществу вреда, безпокойства и убытковъ! Вотъ онъ опять попалъ подъ судъ и опять васъ зовутъ во свидѣтели, подъ присягу. Нѣтъ, братіе, лучше, какъ худая трава изъ поля вонъ; иначе она разросется и заглушитъ все поле. Того человѣка, который дѣлаетъ зло на сторонѣ, не воруетъ напр. у сосѣдей, и не слѣдуетъ жалѣть, какъ самаго опытнаго врага, потому что онъ не обкрадываетъ сосѣдей только до времени и истому только, чтобы они, не видя отъ него сами лично вреда, оправдывали его предъ судомъ и тѣмъ давали ему возможность продолжать и впредь гнусное его ремесло на бѣду другихъ.

Итакъ, братіе, ни подъ какимъ видомъ не уклоняйтесь отъ свидѣтельства въ судахъ, такъ какъ это безчестно и противозаконно. Напротивъ, когда знаете что либо по извѣстному дѣлу, являйтесь къ судьямъ сами безъ повѣстаніи или приглашенія и показывайте по чистой совѣсти и совершенную правду про кого бы то ни было, забывая всѣ свои житейскія расчеты, не опасаясь никого и ничего, а боясь только Царя Небеснаго, да Царя земнаго. Ложно показавшій подъ присягой заразъ нарушаетъ двѣ заповѣди закона Божія—третью: *непріемли имене Господа Бога твоего всуе*, и девятую: *непослушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна*, такъ какъ онъ призываетъ имя Божіе напрасно, и показываетъ про другаго ложь. Потому-то въ словѣ Божіемъ такъ строго и говорится, что *не очиститъ Господь Богъ пріемлющаго имя Его всуе* (Второз. 5, 11), что *еще, вотще* (ѣто либо) *кляся, не оправдится: исполнитъ бо домъ его нападенія* (Сир. 23, 13), что *нена-*

*вистпнѣ Господу и мерзокъ дуиъ его изрекающій ложъ  
лжесвидѣтель (Притч. 6, 19). Св. пророку Захаріи показанъ  
былъ въ видѣніи страшный серпъ, летящій съ неба, да  
всякъ кленущійся во лжу отъ сего до смерти от-  
мстится... да вселится онъ посреда дому его и сконча-  
етъ его и древо его и каменіе его (5, 1-4). Аминь.*

Свящ. *Θеодоръ Богородскій.*

### ДОЛЖНОСТЬ ПСАЛОМЩИКА ВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ <sup>1)</sup>.

Чтецы и пѣвцы въ древней Церкви, какъ восточной, такъ и западной, имѣли важное значеніе, потому что они, сравнительно съ другими, всегда отличались бѣльшимъ или меньшимъ образованіемъ и, проходя свою должность, обыкновенно предназначались къ высшимъ церковнымъ должностямъ. Если и бывали обстоятельства, которые влекли къ упадку этотъ классъ служителей Церкви, то власть церковная и государственная, при первой возможности, спѣшила поддержать ихъ значеніе, какъ это мы видѣли изъ распоряженій отцевъ Церкви и изъ законовъ императоровъ греческихъ и Карла великаго. При такихъ стараніяхъ высшей власти дѣйствительно низшіе клирики неизмѣнно сохраняли свое древнее значеніе и въ позднѣйшія времена въ восточныхъ и западныхъ Церквахъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Церковь не терпѣла притѣсненій или отъ магометанъ или отъ языческихъ народовъ, какъ напр. въ имперіи византійской и въ имперіи, основанной Карломъ великимъ.

Въ X вѣкѣ христіанская вѣра изъ Греціи проникла въ Россію. Юная русская церковь, образовавшаяся подъ непосред-

<sup>1)</sup> См. № 45-й.

ственнымъ надзоромъ и руководствомъ церкви греческой, переняла отъ сей послѣдней всѣ формы церковнаго устройства и церковной жизни. Тѣ взгляды, которые издавна установились въ церкви греческой на всю церковность—на предметы, дѣйствія и лица священныя, во всей полнотѣ усвоены были и церкви русскою. Посему и низшій клиръ церковный съ самаго начала удерживалъ здѣсь тоже значеніе, какое имѣлъ онъ въ церкви греческой дотолѣ, пока русская церковь находилась въ тѣснѣйшей связи и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ церковію константинопольскою. Это тѣмъ болѣе несомнѣнно, что русское духовенство на первыхъ порахъ, по свидѣтельству лѣтописцевъ <sup>1)</sup>, было греческое. Равноапостольный князь Владиміръ, по принятіи крещенія въ завоеванномъ имъ греческомъ городѣ Корсунѣ, привелъ съ собою вмѣстѣ съ священнослужителями и иѣщевъ <sup>2)</sup>. А супруга его Анна привезла съ собою многочисленный клиръ изъ церкви константинопольской, называвшійся тогда *царичинимъ*, въ отличіе отъ клира *корсунскаго* <sup>3)</sup>. Если вслѣдъ за тѣмъ приходили къ намъ духовные изъ славянъ болгарскихъ, то и ихъ положеніе у насъ ипчѣмъ не разнилось отъ положенія грековъ. Самая нужда русской церкви въ греческомъ и болгарскомъ духовенствѣ, за неимѣніемъ на Руси лицъ, способныхъ занимать духовныя должности, естественно поддерживала и возвышала положеніе этихъ пришельцевъ. Большой наплывъ въ Россію этихъ пришельцевъ, хотя ни самъ Владиміръ и ни его ближайшіе преемники не обращались съ просьбою въ Грецію или Болгарію о присылкѣ къ намъ людей для занятія низшихъ церковно-служительскихъ должностей, свидѣтельствуешь о томъ, что ихъ принимали здѣсь ласково и съ почтеніемъ. Такое почетное положеніе

<sup>1)</sup> Ист. Рус. Церкви Арх. Макарія. Т. I, стр. 29. <sup>2)</sup> Густин. лѣтоп. т. II, стр. 256. <sup>3)</sup> Полн. собр. рус. лѣт. т. I, стр. 50.

русскаго церковнаго клира еще болѣе возвышалось отъ того, что лица духовныя, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей служенія при храмѣ и исправленія христіанскихъ требъ, должны были принять въ свое вѣденіе, въ скоромъ времени, по принятіи крещенія народомъ, открытыя св. Владиміромъ училища. Низшіе клирики должны были преимущественно заниматься дѣломъ обученія дѣтей, потому что сами священники постоянно заняты были въ новообращенной странѣ просвѣщеніемъ возрастныхъ. Что низшіе клирики принимали большое участіе въ обученіи дѣтей, о томъ ясно свидѣлствуютъ лѣтописи, въ которыхъ прямо говорится, что собранныя, по повелѣнію Владиміра, дѣти розданы были по церквамъ священникамъ *со причетники* въ наученіе книжное <sup>1)</sup>. Заведенныя св. Владиміромъ и сыномъ его Ярославомъ въ Кіевѣ, Новгородѣ и другихъ городахъ училища главнымъ образомъ имѣли своимъ назначеніемъ готовить лицъ способныхъ отправлять церковную службу. Изъ этихъ училищъ нашъ церковный клиръ, уже при Ярославі, сталъ наполняться лицами собственно русскими, которые, по строго соблюдавшемуся во всей тогдашней православной Церкви каноническому правилу, начинали церковное служеніе съ низшихъ должностей. Утвердившійся взглядъ общества на низшихъ клириковъ изъ иностранцевъ естественно перешелъ и на клириковъ изъ русскихъ, — тѣмъ болѣе, что воспитанники училищъ, заведенныхъ св. Владиміромъ и Ярославомъ, преимущественно были или дѣти священниковъ или же дѣти людей знатныхъ. »Въ Кіевѣ Владиміръ, говоритъ лѣтописецъ, пославъ нача поимати у нарочитое чади (т. е. у людей богатыхъ и знатныхъ) дѣти и даяти нача на ученіе книжное« <sup>2)</sup>. О Ярославі же, от-

<sup>1)</sup> »Исторія Россійск.« Татищева. Изд. 1768—1784 г. ч. II, стр. 75. 76. <sup>2)</sup> Лѣтоп. Лаврентьевск. стр. 51.



крывшемъ училище въ Новгородѣ, говорится: »и прииде къ Новугороду, собра отъ старость (т. е. старѣйшій городъ) и поновыхъ дѣтей 300 учити книгамъ«<sup>1)</sup>.

Любовь всѣхъ вообще русскихъ, какъ князей, такъ и простаго народа, къ церковному пѣнію, проявившаяся въ самыя первыя времена утвержденія у насъ христіанства, съ своей стороны способствовала возвышенію въ глазахъ народа низшихъ клириковъ, какъ знатоковъ этого искусства. И чѣмъ болѣе сіи послѣдніе отличались знаніемъ искусства пѣнія, тѣмъ болѣе возвышалось народное уваженіе къ нимъ. Когда при Ярославѣ, по сказанію лѣтописца, пришли въ Кіевъ три пѣвца греческихъ, отличавшіеся особеннымъ искусствомъ пѣнія, на нихъ обращено было особенное общее вниманіе: имъ были доставлены всѣ средства къ жизни, и принесенное ими ангелоподобное пѣніе, изрядное осмогласіе, наипаче же и трисоставное сладкогласованіе и самое красное демественное пѣніе скоро распространилось по всей землѣ русской. Послѣ нихъ во многихъ епархіяхъ русскихъ *клиросы*, т. е. немалочисленные собранія пѣвцовъ, доведенныя до высокаго совершенства, такъ обращали на себя вниманіе, что слава ихъ распространилась по всей русской землѣ. Такъ славились клиросы: кіевскій, новгородскій, владимірскій, московскій, псковскій. Нѣкоторые клиросы пользовались особенною славою: ростовскій клиросъ прямо называется въ лѣтописяхъ *пресвѣтлымъ*. Даже лѣтописи сохранили имена многихъ пѣвцовъ. Такъ извѣстны: *Стефанъ*, *Кирикъ*, *Лука*; а *Димитрій* пѣвецъ, жившій въ Перемышлѣ, названъ *словутнымъ* (т. е. славнымъ)<sup>2)</sup>. Память объ этихъ древнихъ знаменитыхъ русскихъ клирошанахъ долгое время сохранялась въ народѣ русскомъ. Такъ,

<sup>1)</sup> Полн. собр. рус. лѣтопис. т. V. стр. 136. <sup>2)</sup> Церков. пѣніе въ Россіи. Свящ. Д. Разумовскаго. Отд. II, стр 61.

въ половинѣ XVI столѣтія, царь Иванъ Васильевичъ, вспоминая о древнихъ чтецахъ и пѣвцахъ церкви русской, выразился объ нихъ: »Прежь сего въ российскомъ царствѣ грамоте и пѣти и чести гораздыхъ много было, пѣвцы и чтецы тогда славны были по всей землѣ и до днесь«<sup>1)</sup>.

Судя потому, какъ въ древне-русскомъ народѣ мало была распространена грамотность, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ въ немъ была сильна любовь къ церковному чтенію и пѣнію, можно понять, какъ смотрѣлъ онъ на людей, которые отправляли должность чтецовъ и пѣвцовъ въ храмѣ.

Возвышенію въ глазахъ народа чтецовъ и пѣвцовъ древне-русской церкви, кромѣ ихъ искусства читать и пѣть въ храмѣ, и труда обученія чтенію и пѣнію въ школахъ, способствовало и то, что они занимались перепискою богослужебныхъ книгъ. Это дѣло въ тѣ времена считалось весьма достопочтеннымъ, такъ что нѣкоторые князья и вельможи за честь себѣ вмѣняли раздѣлять съ ними этотъ трудъ. Притомъ они были не простыми переписчиками, а составителями нотныхъ книгъ, или, какъ называли ихъ древніе, *пѣснорачителями* и *знаменотворцами*. Въ то время въ русской церкви, по мѣрѣ учрежденія новыхъ празднествъ и открытія новопрославленныхъ святыхъ мощей, составлялись и вводились пастырями Церкви новыя службы. Клирики-пѣснорачители и знаменотворцы къ этимъ новымъ службамъ прилагали гласовую мелодію церковныхъ службъ, принесенныхъ изъ Греціи и Болгаріи. Дѣло это, особенно посредствомъ крѣпкихъ безлинейныхъ знаковъ, требовало большаго и труда и знанія музыкальной техники. Видно было, что и сами они высоко цѣнили свой трудъ,—потому что подъ напѣвами, положенными ими, подписывали свое имя. Такъ во второй половинѣ XVII в. многіе видѣли »въ

<sup>1)</sup> Стоглав. собора 1551 г. гл. 25.

харатейныхъ ирмологіяхъ и прочаго церковнаго пѣнія книгъ, за 400 лѣтъ и вящше, лѣтописная подписанія многихъ славяно-россійскихъ пѣснорачителей и знаменотворцевъ, кто которую книгу писалъ и яже въ ней люботрудствовалъ и при каковомъ либо случаѣ<sup>1)</sup>. Въ тоже время чтецы и пѣвцы древне-русской церкви главнымъ образомъ вели всѣ необходимыя записи при церквахъ. Веденіе такихъ записей было повсемѣстною необходимостію, такъ какъ этого первѣе всего требовало всеобщее усердіе древне-русскаго народа къ поминовенію усопшихъ. Записывая покойниковъ-благотворителей и попечителей церковныхъ, они отмѣчали случаи и обстоятельство, при которыхъ дѣлаемы были благотворенія церкви. А въ нѣкоторыхъ церквахъ, особенно каѳедральныхъ, гдѣ бывало помногу клириковъ и притомъ болѣе образованныхъ, это дѣло понималось обширнѣе и въ церковныя записи вносились были замѣтки о современныхъ событіяхъ-церковныхъ и гражданскихъ, сильно занимавшихъ тогдашнее общество. Такъ образовались русскія лѣтописи. Извѣстныя намъ древнія лѣтописи-кѣвская, новгородская, суздальская, волынская и т. п. суть не что иное, какъ составленныя даровитыми людьми извлеченія изъ этихъ церковныхъ записей, существовавшихъ при разныхъ церквахъ задолго до препод. Нестора. Даже между сими послѣдними-лѣтописцами въ собственномъ смыслѣ-были причетники. Такъ Тимофей пономарь новгородской церкви св. Іакова былъ новгородскимъ лѣтописцемъ въ началѣ XIII вѣка<sup>2)</sup>.

Но кромѣ собственно церковнаго и образовательнаго значенія низшіе клирики въ древне-русской церкви до XV столѣтія пользовались большимъ почетомъ и въ быту граж-

<sup>1)</sup> Церков. пѣніе въ Россіи. Свящ. Д. Разумовскаго, стр. 62.

<sup>2)</sup> Обзоръ рус. духов. литературы. Арх. Филарета, стр. 45.

данскомъ, каковаго они не имѣли даже и въ церкви греческой. Въ то время русское государство только-что слагалось изъ разнородныхъ элементовъ. До Владиміра князья занимались только завоеваніями отдѣльныхъ племенъ и, удовлетворяясь податями ихъ, мало думали о внутреннемъ устройствѣ государства, или вовсе не думали о немъ. Поэтому до Владиміра не выработалось у насъ никакого законодательства. Внутреннее устройство государства собственно началось со времени принятія Владиміромъ христіанства. И какъ не было у насъ собственно русскаго права, то церковно-гражданскіе законы греческіе послужили первоначальнымъ основаніемъ и руководствомъ къ учрежденію нашего гражданскаго благоустройства, и духовенство наше должно было принять большое участіе въ дѣлахъ гражданскихъ. По уставамъ Владиміра и Ярослава въ вѣденіе суда церковнаго предоставлено было много такихъ дѣлъ, которыя не имѣли прямаго отношенія къ дѣламъ церковнымъ, а были чисто дѣлами гражданскими,—какъ напр. дѣла по наслѣдствамъ и наблюденіе за торговыми вѣсами и мѣрами. Конечно главными судьями въ этихъ дѣлахъ были пастыри Церкви—епископы и пресвитеры: имъ собственно принадлежалъ судъ надъ виновными по этимъ дѣламъ; но будучи главными судьями въ этихъ дѣлахъ, они не могли, какъ и во всякомъ судопроизводствѣ, обойтись безъ дѣлопроизводителей. Нужно было по этимъ дѣламъ вести записи, нужно было соображать поступки судимыхъ лицъ съ существовавшими постановленіями. Обязанность такихъ дѣлопроизводителей некому было болѣе принять на себя, какъ низшимъ клирикамъ. И что они дѣйствительно этимъ занимались, свидѣтельствомъ тому служить то, что съ древнихъ временъ всѣхъ вообще дѣлопроизводителей, какъ духовныхъ, такъ и гражданскихъ, у насъ называли *дьяками*. По изслѣдованіямъ ученыхъ слово дьякъ и взято именно

изъ церковнаго языка; оно означаетъ тоже, что дьячекъ, каковымъ именемъ у насъ съ самыхъ первыхъ временъ называли низшихъ клириковъ <sup>1)</sup>. О томъ, что низшіе клирики въ древне-русской церкви были производителями всѣхъ дѣлъ прихода по суду церковному и какъ бы адвокатами въ дѣлахъ церковныхъ при сношеніи съ гражданскимъ начальствомъ, есть положительное свидѣтельство въ древне-юридическихъ актахъ, гдѣ прямо говорится, что они были сочинителями духовныхъ грамотъ и съ гражданскимъ начальствомъ дѣлали договоръ «въ писмѣхъ у великаго государева дѣла и у монастырскаго, у приказныхъ людей и у мірскихъ людей, всегда быть готовыми» <sup>2)</sup>. Если же низшіе клирики занимали такую должность въ народномъ управленіи и судопроизводствѣ, то не трудно понять, какъ велико было ихъ значеніе въ глазахъ народа. Чтобы приблизительно судить объ этомъ значеніи, довольно припомнить, какой вѣсь имѣли въ послѣдующее время, когда собственно выработалось русское гражданское законодательство, чиновники, называвшіеся именемъ *дьяковъ*. Эти чиновники завѣдывали всѣми дѣлами и при дворѣ, и въ думѣ боярской, и въ приказахъ и въ городскихъ судахъ.

Такое почетное положеніе низшихъ клириковъ-чтецовъ и пѣвцовъ продолжалось до XV вѣка. Нельзя сказать впрочемъ, чтобы оно продолжалось во весь періодъ этого времени неизмѣнно. Различныя обстоятельства-церковныя и гражданскія были причиною того, что съ теченіемъ времени ихъ значеніе утрачивалось. И во-первыхъ развитіе въ русской церкви монашества, которое славно было не только въ религіозно-нравственномъ отношеніи, но и въ ученомъ,

<sup>1)</sup> Энциклопедич. лексиконъ. Изд. 1839 г. т. XVII, стр. 366.

<sup>2)</sup> Юридич. акты. №№ 286, 185. 288: 302. 334. стр. 111, 113, 119, 430, 451, 458, 460, 461.

народно-образовательномъ и миссіонерскомъ дѣлахъ, закрывало собою значеніе вообще бѣлаго духовенства, а тѣмъ болѣе конечно низшаго клира. Отъ того въ лѣтописяхъ, когда распространилось монашество, о клирикахъ упоминается весьма рѣдко. Въ особенности монашество закрыло собою бѣлое духовенство и въ частности низшихъ клириковъ со времени ига монгольскаго, когда въ монастыряхъ по преимуществу сосредоточивалось и церковное благоустройство и книжная образованность—и почти вся церковно-литературная дѣятельность. Даровитые и лучшіе люди изъ всѣхъ сословій духовнаго и свѣтскаго, часто даже въ юныхъ лѣтахъ и тайно отъ родителей, уходили въ монастыри, гдѣ были всѣ средства и удобства для духовнаго образованія,—какъ напр. Стефанъ просвѣтитель и епископъ пермскій и Моисей архіепископъ новгородскій. Записанные въ исторіи великіе дѣятели церковные почти всѣ были иноки. Во-вторыхъ бѣдность бѣлаго духовенства, заставлявшая его большую часть времени употреблять на снисканіе насущнаго хлѣба, лишала его возможности заботиться о своемъ духовномъ усовершенствованіи и удерживать свое прежнее значеніе въ средѣ русскаго народа. Въ періодъ времени предъ монгольскимъ игомъ, уже становится замѣтнымъ, что князья, вслѣдствіе своихъ постоянныхъ междоусобицъ, мало заботились о бѣломъ духовенствѣ. Въ началѣ XIII столѣтія были уже такіе беспорядки, что богатые землевладѣльцы, выучивъ крестьянъ своихъ грамотѣ, приводили ихъ къ епископу для поставленія во священники къ своимъ церквамъ, и потомъ, не смотря на ихъ свѣц. санъ, продолжали ихъ держать въ рабскомъ состояніи. Каково же было, при такихъ священникахъ, положеніе низшихъ клириковъ?.. А когда началось иго монгольское, и земля русская, впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ, подвергалась грабительству и опустошеніямъ, тогда бѣдность и униженіе бѣлаго духовен-

ства еще болѣе усилились. Хотя татары своими ярлыками и давали бѣлому духовенству преимущества, освобождая его отъ поголовной дани, но крайнее разореніе прихожанъ естественно отражалось на духовенствѣ, которое главнымъ образомъ пользовалось добровольными приношеніями ихъ. А при крайней бѣдности духовенства, при его едва не рабскомъ униженіи, не могло быть строгой разборчивости достоинствъ лицъ, поступающихъ на церковныя должности. Въ-третьихъ и значеніе низшихъ клириковъ въ дѣлахъ народнаго управленія мало по малу тоже терялось, потому что съ теченіемъ времени тѣ дѣла, которыя первоначально были въ вѣденіи духовенства переходили въ вѣденіе гражданскихъ чиновниковъ.

При всемъ этомъ однакоже мысль о важномъ значеніи низшаго клира въ Церкви не утрачивалась. И пастыри Церкви съ своей стороны употребляли мѣры къ поддержанію значенія низшаго клира. Его положеніе было предметомъ разсужденій на церковныхъ соборахъ русскихъ. Такъ на владимирскомъ соборѣ (1274 г.), почти въ самомъ началѣ ига монгольскаго, постановлено было строго испытывать жизнь поставляемыхъ въ должности церковныя—не только во священника и діакона, но и въ причетника, именно: »соблюли ли они дѣвство, вступили ли въ законный бракъ съ дѣвою, знаютъ ли хорошо грамоту, не виновны ли они въ козунствѣ, хищничествѣ, пьянствѣ, лихоимствѣ, прелюбодѣиіи, лжесвидѣтельствѣ, не совершили ли они убійство волею или неволею, не удручаютъ ли рабовъ своихъ голодомъ и наготою, не дѣлаютъ ли имъ насилія въ работахъ, не чародѣйцы ли и т. п. Кто хотя однажды будетъ обличенъ въ численныя винахъ, тотъ, по опредѣленію соборному, не можетъ быть не только священникомъ и діаконъ, но и причетникомъ. Даже удостовѣреніе въ томъ, что поставленный свободенъ отъ всѣхъ численныя недо-



статковъ, соборъ признавалъ недостаточнымъ; онъ требовалъ еще, чтобы за поставляемыхъ въ церковныя должности поручались духовникъ, семь священниковъ и другіе добрые свидѣтели <sup>1)</sup>). Кроме того, соборъ опредѣлялъ, чтобы должность чтецовъ и пѣвцовъ была должностію переходною въ церкви, какъ этого требовали и каноническія правила, и чтобы никто во священника и діакона не былъ производимъ, не прослуживши нѣсколько лѣтъ чтецомъ или пѣвцомъ. И всякій поставляемый въ причетника, по опредѣленію собора, отдавался подъ руководство старѣйшаго и опытнаго церковника при соборной церкви, пока не изучитъ весь чинъ церковный <sup>2)</sup>). Митрополитъ Кипріанъ, много старавшійся о возвышеніи русскаго бѣлаго духовенства, обращалъ большое вниманіе на причетниковъ и требовалъ отъ нихъ нравственнаго совершенства. Въ своемъ наставленіи духовенству онъ писалъ: «даже пономарю не достойтъ быть двосженцу или тросженцу, а или дѣвственнику или первобрачному» <sup>3)</sup>). Одно весьма важное распоряженіе пастырей Церкви во время ига монгольскаго, митрополитовъ Петра и Фотія, хотя и не прямо направленное къ возвышенію низшаго клира, не мало способствовало его возвышенію, — это именно то постановленіе ихъ, по которому свдовѣвшіе священники и діаконы устранились отъ священнослуженія, если не поступали въ монахи. Устраненные отъ священнослуженія, они становились на ряду съ причетниками и занимались чтеніемъ и пѣніемъ при богослуженіи. Мѣра эта была, не карательная, а имѣла цѣлю предупредить соблазны, которые бывали въ подобныхъ случаяхъ. Поэтому священнослужители, стоя въ ряду низшихъ клириковъ, не

<sup>1)</sup> Истор. Рус. Церкви. Арх. Макарія, т. IV, стр. 287. 288.

<sup>2)</sup> Тамъ же. <sup>3)</sup> Русск. Достопамятн. т. 1, 108—112. Акт. Историч. 1, 20. 478.

теряли своего значенія, и такъ какъ у нихъ не отнималась возможность получить отъ архипастырей разрѣшеніе священнослуженія, въ случаѣ нужды Церкви, какъ напр. во время моровыхъ язвъ, если они благоприличнымъ поведеніемъ поддержать свое достоинство: то они старались держать себя достойно своего сана. А этимъ естественно вліяли на низшій клиръ, въ среду котораго входили, и замѣняли собою въ иныхъ мѣстахъ причетниковъ; такъ какъ при устраниніи отъ священнослуженія и нежеланіи поступить въ монашество, имъ не было другихъ средствъ къ содержанію, какъ занятіе причетническихъ мѣстъ.

Благодаря всѣмъ этимъ стараніямъ пастырей значеніе низшаго клира въ русской церкви XIII и XIV в. хотя было не таково, какъ въ первые два вѣка христіанства въ Россіи (XI и XII); но все же не упадало такъ, какъ оно упало послѣ XV вѣка; и низшіе клирики и въ это время продолжали возвышаться надъ массою народа и вліять на его образованіе. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было много монастырей, какъ напр. въ Новгородѣ, продолжали отдавать дѣтей для обученія грамотѣ дьячкамъ. Такъ св. Іона, архіепископъ новгородскій (1158—1470), со многими сверстниками учился у дьячка <sup>1)</sup>.

*(Продолженіе будетъ).*

## РУССКІЕ НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ СЪ ИХЪ ОБЯДАМИ.

Въ предыдущей статьѣ <sup>2)</sup> мы старались объяснить причины происхожденія нашихъ народныхъ праздниковъ съ ихъ обрядами и нашли, что они были плодомъ стремленія

<sup>1)</sup> Истор. Россійск. Госуд. Карамзина, т. V, примѣч. 386.

<sup>2)</sup> См. № 45—п.

народа къ усвоенію непонятнаго для него содержанія новой вѣры. Посему на наши народныя праздники съ ихъ обрядами нельзя смотрѣть какъ на прямое противорѣчіе и полное отрицаніе христіанства; они представляютъ собою смѣшеніе народно-языческихъ представленій съ христіанскими понятіями. Въ нихъ фантазія народная старается то языческое прикрыть христіанскимъ, то-христіанское объяснить языческимъ. Эти два элемента составляютъ сущность, основу какъ древнихъ, такъ и современныхъ намъ народныхъ праздниковъ, обычаевъ и обрядовъ. Христіанскія понятія, съ теченіемъ времени, болѣе и болѣе уяснялись въ народномъ сознаніи, и вытѣсняли изъ него остатки древне-языческихъ образовъ и представленій, такъ что въ настоящее время было бы совершенно несправедливо упрекать нашъ народъ въ приверженности его къ языческой старинѣ; онъ съ отвращеніемъ удаляется отъ нея, какъ скоро начинаетъ понимать ее. Нашъ народъ некрѣпко преданъ христіанству. Но въ то же время нельзя не видѣть и того, что онъ въ жизни своей-въ практикѣ на ряду съ христіанствомъ такъ же строго соблюдаетъ и такого рода обряды и обычаи, которые совершенно не христіанскаго происхожденія. Онъ, напримѣръ, перекрестясь произноситъ таинственныя заклинанія, при совершеніи суевѣрныхъ обрядовъ читаетъ молитвы христіанскія. Это ясно показываетъ, что современная народная нехристіанская символика потеряла свой настоящій смыслъ въ народномъ сознаніи; народъ держится ся безотчетно, безсознательно, и въ своихъ понятіяхъ многое изъ нея приравниваетъ къ церковно-христіанскому. Такое раздвоеніе въ религіозныхъ понятіяхъ нашего народа составляетъ серьезное препятствіе къ тому, чтобы выработались въ немъ цѣльныя строго-христіанскія убѣжденія. Для окончательнаго же уничтоженія въ немъ остатковъ отъ дохристіанской старины, сохранившихся въ его праздникахъ, обычаяхъ и обря-

дахъ, необходимо проникнуть въ тѣ основныя древне-языческія его воззрѣнія, которыя скрылись и окаменѣли подъ формою современной народно-религіозной обрядности.

Праздниковъ народныхъ очень много въ году и все они совершенно свособразно распредѣлены по днямъ. Въ настоящее время, въ силу указанныхъ нами причинъ, они по большей части приурочены къ церковнымъ праздникамъ и съ ними перемѣшаны. Но тѣмъ не менѣе народъ нашъ не забываетъ своего завѣтнаго календаря. И теперь нашъ народъ ведетъ счетъ днямъ и даже годамъ не по числамъ и мѣсяцамъ, а по особымъ днямъ, съ которыми онъ соединяетъ древнія дохристіанскія религіозно-бытовыя представленія... Правда, дни эти теперь освящены памятью святыхъ или особенно важными событіями христіанской Церкви, но это не мѣшаетъ народу, хотя и безсознательно приурочивать къ этимъ днямъ и свои завѣтные обряды и вѣрованія, и отмѣчать ихъ въ своемъ представленіи, какъ особенно важныя событія, эпохи его годичной жизни. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что въ народѣ нашемъ, кромѣ церковнаго, есть свой особенный способъ времясчисленія, есть свой, такъ сказать, домашній календарь и святцы, по которымъ онъ ведетъ счетъ днямъ, распредѣляетъ свои праздники и занятія. Отъ этихъ-то календарныхъ понятій и зависить, почему народъ нашъ извѣстный свой праздникъ приурочилъ къ такому, а не другому дню и празднику церковному. Народный календарь, такимъ образомъ, составляетъ главный ключъ къ пониманію нашихъ народныхъ праздниковъ и ихъ обрядовъ, а потому и мы прежде всего ознакомимъ съ нимъ нашихъ читателей.

Предки наши не были знакомы съ астрономіею; они дѣлили годъ по тѣмъ естественнымъ, для всехъ нагляднымъ знаменіямъ, какія даются самою природою. Обыкновенно годъ дѣлился на двѣ половины—лѣтнюю и зимнюю; весна

же и осень понималась как переходное время отъ одной половины года къ другой. У нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, какъ напр. у сербовъ и болгаръ, весна и доселѣ прямо называется—подлѣтье, младо лѣто, а осень—подзимье, подзимокъ и пр. <sup>1)</sup> У насъ въ народной рѣчи до сихъ поръ тоже сохранились выраженія—подлѣтокъ (о растеніяхъ и животныхъ), подзимокъ, поденѣжникъ (о растеніяхъ) и пр.... Все эти и имъ подобныя слова выражаютъ народныя понятія объ осени и веснѣ, какъ о времени, не имѣющемъ значенія отдѣльной полной поры года; тогда какъ лѣто и зима въ понятіи народа, выразившемся въ его обыденной рѣчи, означали отдѣльныя и діаметрально противоположныя половины года. Въ особенности же лѣтняя пора года считалась временемъ по преимуществу. Остатокъ этого народного понятія и до сихъ поръ сохраняется въ нашей рѣчи; мы и до сихъ поръ слово *лѣто*, означающее собственно одно изъ четырехъ временъ года, употребляемъ въ смыслѣ цѣлаго года, самый счетъ годовъ ведемъ по лѣтамъ, т. е. по числу истекшихъ лѣтнихъ періодовъ. Такъ мы обыкновенно говоримъ: съ лѣтами перемѣнится, онъ прожилъ столько-то лѣтъ и пр. Сообразно съ этимъ различіемъ народныхъ понятій о временахъ года сложились и самыя мифическія и религіозныя о нихъ представленія. Осень и весна въ мифологіи нашихъ предковъ уступаютъ первенство лѣту и зимѣ, какъ по внутреннему могуществу, такъ и широтѣ внѣшнихъ ихъ дѣйствій. Явленія природы во время лѣта и зимы составляютъ содержаніе мифовъ о божествахъ сильныхъ и грозныхъ, какъ напр. о Перунѣ—богѣ грома и молніи, Дажбогѣ—богѣ солнца и плодородія, Маренѣ—богинѣ смерти и зла; тогда какъ явленія осенней и весенней природы по-

<sup>1)</sup> Труд. Ак. Наукъ, т. III, 66—68 ст. Вест. I, 58 стр. II, 70 стр.

родили многи о бoгaxъ слабыхъ, пассивныхъ по отношенію къ первымъ; они не имѣютъ опредѣленнаго положительнаго характера, представляютъ переходъ отъ добра къ злу; они полудобры, полужлы. Таковы божества: *Лада*, покровительница любви, молодости челоуѣка со всѣми ся забавами и увлеченіями; *Ляля*—мнѣшеское олицетвореніе стройной, красивой дѣвы, расцвѣтающей во всей своей красѣ весною, и за тѣмъ горько сѣтующей на себя за свои увлеченія; *Облачныя жены и дѣвы*—богини весеннихъ облаговъ, безмолвно повинующіяся Перуну и Стрибогу—богу вѣтровъ; *Жицэнг* (у бѣлоруссовъ) отъ жито—рожь,—мнѣшеское олицетвореніе осени; это не молодой и не старый мужчина, малорослый, худой, горбатый и косматый; онъ наблюдаетъ за жатвой и посѣвами, однимъ спорить, а другимъ мѣшаетъ и мгновенно исчезаетъ при появленіи Перуна. Этотъ же характеръ народныхъ воззрѣній на времена года отразился, какъ увидимъ ниже, и въ характерѣ народныхъ нашихъ праздниковъ, въ ихъ обрядахъ и обычаяхъ, которые строго приурочены къ тому или другому времени года.

Кромѣ дѣленія года на двѣ главные половины—лѣтнюю и зимнюю, предки наши въ незапамятныя времена измѣряли годичный кругъ времени и малыми его періодами—мѣсяцами. Дѣлить годъ на мѣсяцы подали поводъ постоянно повторяющіяся фазы луны. Ведя жизнь звѣролововъ, пастуховъ и земледѣльцевъ, предки наши, по своимъ обыкновеннымъ занятіямъ, вполне зависѣли отъ внѣшней природы, отъ благотворнаго или разрушительнаго дѣйствія ея силъ. Поэтому они должны были съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдить за всѣми явленіями и перемѣнами видимой природы, такъ или иначе отражавшимися на ихъ образѣ жизни. А между другими видимыми знаменіями природы, измѣненія луны, по своему могущественному вліянію на жизнь людей, не могли не обратить на себя вниманія нашихъ предковъ

въ самыя отдаленныя времена ихъ быта. Они не могли не замѣтить, что извѣстныя фазы луны совершаются періодически—постоянно повторяются чрезъ опредѣленный срокъ времени, и всегда сопровождаются тѣми или другими переменами въ погодѣ и относительной темнотѣ ночи. И каждый изъ нашихъ предковъ—земледѣецъ, и пастухъ, и звѣроловъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за измѣненіями луны, какъ за предвѣстниками наступленія той или другой погоды, часто съ нетерпѣніемъ ими ожидаемой. Но чтобы всегда знать время наступленія ожидаемой погоды и ея переменны, необходимо было хорошенько замѣтить постоянно-повторяющіяся фазы луны, и опредѣлить, сколько возможно, вѣрнѣе самый періодъ ихъ времени. Такимъ образомъ фазы луны, будучи знаменіями наступленія извѣстной погоды, послужили нашимъ предкамъ основаніемъ и главными единицами для времясчисления. Постояннаго счета времени по числамъ и недѣлямъ въ древнѣйшія времена у насъ не было. Въ лѣтописяхъ и другихъ древнихъ литературныхъ памятникахъ нигдѣ не встрѣчается указаній на то, чтобы въ отдаленныя времена у предковъ нашихъ были какія либо названія дней и чтобы ими измѣрялся годичный или мѣсячный кругъ времени. Какъ слово *недѣля* и частныя названія ея дней, такъ и точное времясчисленіе по нимъ явился у насъ со времени введенія христіанской вѣры. Во времена же язычества и вмѣстѣ дѣтской поры нашихъ предковъ время измѣрялось фазами луны. Четыре фазы луны—поволуніе, первая четверть, полнолуніе и послѣдняя четверть—замѣняли наши недѣли и вмѣсто нихъ употреблялись для опредѣленія мѣсячнаго и годичнаго круга времени. По замѣчанію знаменитаго филолога Макса Миллера, слово *мѣсяцъ* въ нашемъ языкѣ заключаетъ въ себѣ два понятія: и *luna*, и *mensis*; самое слово это производить онъ отъ санскритскаго *mās*, корень котораго *mā* означаетъ мѣ-

рить, измѣрять <sup>1)</sup>). Такимъ образомъ самое словопроизводство убѣдительно доказываетъ, что луна, называющаяся у насъ и мѣсяцемъ, служила издревле для измѣренія времени, и была, какъ говоритъ М. Миллеръ, золотой стрѣлкой на темномъ циферблатѣ неба <sup>2)</sup>). Въ слѣдствіе большаго удобства и легкости считать время по измѣненіямъ луны, чѣмъ по суточному движенію земли вокругъ солнца, произошло то обще-историческое явленіе, что какъ у насъ, такъ и у всѣхъ народовъ въ первобытныя времена ихъ существованія,—употреблялся годъ лунный, и только по мѣрѣ успѣховъ развитія астрономіи лунный годъ смѣнялся солнечнымъ.

Такъ какъ въ кругѣ луннаго движенія, безъ всякой перемѣны повторяющагося отъ созданія міра и доселѣ, всегда происходили различныя явленія природы, смотря по времени года, то это послужило причиною того, что явились съ одной стороны количественное представленіе мѣсяцевъ, а съ другой—разнообразіе ихъ названій. Обыкновенно то одни явленія видимой природы составляютъ главную и характеристическую черту въ цѣломъ кругѣ луннаго движенія, то другія, то третьи. Въ слѣдствіе этого одному и тому же кругу луннаго движенія, называемому у насъ мѣсяцемъ, давались особыя названія, и одна и таже луна съ ея періодически-повторяющимися фазами представлялась обыкновенно какъ бы въ нѣсколькихъ видахъ. Такимъ путемъ образовались названія мѣсяцевъ какъ у насъ, такъ и у всѣхъ другихъ народовъ. Вся разница въ характерѣ ихъ названій, въ которыхъ выражается геній народнаго духа. У однихъ названія эти отличаются отвлеченностію и мистическимъ характеромъ; таковы наприм., римскія названія мѣсяцевъ: май, іюнь, сентябрь, октябрь и пр.; у другихъ эти названія представляютъ въ высшей степени характерныя

<sup>1)</sup> М. Мил. о языкѣ. 4—5. <sup>2)</sup> Ibid.



и живописныя изображенія тѣхъ явленій природы, которыя составляютъ господствующую черту въ цѣломъ мѣсячномъ кругѣ времени. Последнимъ характеромъ отличаются славянскія названія мѣсяцевъ, и въ частности наши древне-отечественныя, съ которыми намъ необходимо ближе ознакомиться въ виду послѣдующихъ нашихъ изслѣдованій о народныхъ праздникахъ.

1) *Январь*—древнерусскій *просинецъ*, а малорусскій—*сѣчень*. а) Первое названіе, по мнѣнію нашихъ ученых<sup>1)</sup>, происходитъ отъ древне-славянскаго глагола *проспѣти* (спнуги совершенный видъ отъ *сіяти*) и указываетъ на возрожденіе солнца. Извѣстно, что 12-е декабря у насъ слыветъ солоноборотомъ—т. е. солнце поворачиваетъ на лѣто, а въ январѣ дни уже замѣтно начинаютъ увеличиваться (просіявать, проясняться): между тѣмъ какъ ночи все болѣе и болѣе начинаютъ сокращаться. Это-то явленіе столь радостное для велико-русскаго жителя—послѣ короткихъ дней и безмѣрно долгихъ и темныхъ ночей, какія бываютъ у насъ осенью и зимою, и было подмѣчено и послужило основаніемъ для названія цѣлаго круга движенія луны, обыкновенно называющагося у насъ мѣсяцемъ. б) Малороссійское названіе января—сѣчень происходитъ отъ глагола *сечь*; синонимическое названіе малороссійскаго сѣчень представляетъ польское—*стычень*, также означающее нашъ январь; корень польскаго названія *стычень*—ткнуть, что равносильно-бить, сѣчь,—и-стынуть, стыть, отсюда стужа. Къ малорусскому и польскому названію мѣсяца января могла подать поводъ мысль о переломѣ зимы, который по народному повѣрью происходитъ именно въ январѣ мѣсяцѣ. Зима

<sup>1)</sup> Бѣляевъ.—Жур. М. Нар. Пр. и Чт. Общ. Ист. и Древн. 1849 г., Микуцкій.—Записк. Р. Геогр. Общ. 1855 г., Сахаровъ; Даль въ своемъ Толков. Словар. и пр.

въ этомъ мѣсяцѣ разламывается, разсѣкается на двѣ равныя части. Въ русской рѣчи глаголь *сечь* употребляется именно въ смыслѣ дѣленія предмета на ровныя части, — напр. разсѣкъ пополамъ, — а рубить употребляется въ смыслѣ дробленія, напр. разрубилъ на мелкія части, онъ рубить, только щепки летятъ. Названіе января *styczn* или *стычень* могло также произойти и отъ осязательнаго для всѣхъ, особенно для южноруссовъ, физическаго явленія, — отъ морозовъ. Крещенскіе морозы по лютости своей вошли у насъ въ пословицу; да и вообще январь по преимуществу отличается морозами — трескучими, а на Руси — жестокими. Существительное слово стыть, до сихъ поръ употребляющееся въ нашемъ языкѣ, одного корня съ польскимъ *стычень* и означаетъ страшный холодъ. Два указанные признака, одинъ взятый изъ отвлеченнаго представленія, а другой — изъ опыта и наблюденія и послужили основаніемъ для малорусскаго и польскаго названій мѣсяца января. А почему малороссы и поляки остановились и отметили въ своей рѣчи именно эти явленія мѣсяца января а не другія, какъ напр. великороссы, то это несомѣнно произошло отъ значительной разности въ характерѣ мѣстныхъ условій, въ котовыхъ жилъ и теперь живетъ каждый изъ нихъ. Великороссу морозъ не страшенъ; зимніе холода начинаются у него очень рано; осязательные заморозки бываютъ еще въ августѣ, а въ сентябрѣ часто падаетъ снѣгъ. Зная хорошо это обстоятельство, великороссъ принимаетъ съ своей стороны разныя предохранительныя мѣры противъ холода; онъ и домъ строить съ удобствами именно для зимы и запасается теплою одеждой. Между тѣмъ уменьшеніе свѣта дневнаго, особенно осязательное въ сѣверныхъ полосахъ Россіи, не можетъ быть уже ничѣмъ устранено; работать великороссу несподручно; не успѣть солнышко проглянуть — и ужъ вечеръ на дворѣ. Вслѣдствіе этого зимою образъ жизни великоросса значительно измѣ-

пается, время идетъ томительно, скучно; все сумерки да вечеръ. Какъ было тутъ не радоваться прибылн днѣ и свѣта, какъ не подмѣчать того момента, отъ котораго день начиналъ вести побѣдоносную свою борьбу съ ночью, и какъ все это было не отмѣтить для памяти въ своемъ языкѣ?... Совсѣмъ другое положеніе зимою малоросса или поляка. Зима у нихъ начинается поздно и стоитъ-то не болѣе какихъ нибудь трехъ мѣсяцевъ; сиѣгу бываетъ мало. Вслѣдствіе этого древніе жители Малороссіи и Польши, какъ это можно видѣть и теперь, не считали для себя необходимымъ, по примѣру великороссовъ, устроить прочныя и теплыя во время зимы дома и запастись зимней одеждой, хотя какъ въ Малороссіи, такъ и въ Польшѣ во время зимы, въ декабрѣ, январѣ и февралѣ мѣсяцахъ, появляются сильныя вѣтры и морозы, и особенно это бываетъ въ январѣ. При безснѣжн и малые морозы дѣлаются особенно чувствительны и вредны для человѣка и животныхъ. Дороги дѣлаются непроѣздными отъ замерзлыхъ глыбъ грязи; въ поляхъ поднимаются вьюги и завываніе звѣрей. Мелкій, морозный день, который на голомъ полѣ всегда бываетъ и вѣтряный, для южно-русса-неодѣтаго по зимнему и поляка-сибарита всегда хуже, тяжелѣе, чѣмъ пасмурный, ненастный. И чѣмъ болѣе начнутъ прибывать дни зимою, чѣмъ чаще начнетъ появляться ясная, безоблачная погода-до марта, тѣмъ холоднѣе и неспошнѣе для южно-русса и поляка. Для великоросса прибыль свѣта зимою-радость, а южно-руссу не совсѣмъ; морозы и холода отравляютъ ему жизнь. Такимъ образомъ стужа и вѣтры были главными физическими явленіями, вліянію которыхъ южно-руссъ подвергается въ теченіи цѣлаго круга луннаго движенія, и по которымъ онъ далъ ему свое названіе. Отъ этого-то названія всѣхъ трехъ зимнихъ мѣсяцевъ-въ малороссійскомъ народномъ календарѣ выражаютъ одинъ и тотъ же характеръ,

указываютъ на одно и тоже явленіе—морозы, которые особенно сильно дѣйствовали на народъ; такъ декабрь у малор.—студень, январь малор.—сѣчень и февраль—лютый. Всѣ эти названія почти что эпитеты одного и того же явленія—стужи.

2) *Февраль*—древнерус. *снѣженъ* и *снѣченъ*, а малорос. *лютый*. <sup>1)</sup> Древнерус. и малорос. названія февраля уже понятны изъ предъидущаго объясненія. Изъ нихъ видно, что въ февралѣ у насъ стоялъ сильный холодъ, стыть.

3) *Мартъ*—древнерус. *сухій*, малорос.—*березозоръ* и *березозоль* и рус. области. *свистунъ* (пора вѣтровъ) <sup>2)</sup>. Приведенныя названія указываютъ на мартъ, какъ на время переходное отъ стужи, зимнихъ холодовъ къ теплу весеннему, которое животворно дѣйствуетъ на растенія и особенно рано распускающуюся березу. Малорос. названіе—*березозоръ* и *березозоль* (отъ *береза* и *зорить*—кор. зоря—значитъ испытывать легкое и животворное дѣйствіе тепла, постепенно зрѣть, созрѣвать; напр. у насъ говорится зорить ягоды, т. е. выставлять ихъ на солнце, чтобы онѣ доспѣли, зорить пряжу и холстину, т. е. подвергать ихъ вліянію весенняго солнца по утрамъ, чтобы онѣ поблѣдѣли и пр.) прямо указываетъ на животворное дѣйствіе весенняго солнца на березу, которая начинаетъ отъ тепла блѣднѣть, пускать изъ себя почки и сладкій сокъ, столь любимый нашимъ народомъ и доселѣ. Древнерусское названіе марта—*сухой* также указываетъ на дѣйствіе солнечныхъ лучей, которые начинали вывѣтривать, сушить всякую влагу, тогда какъ зимою она вымерзала. Испареніе же и высыханіе влаги производили вѣтры (отсюда области. *свистунъ*) и вмѣстѣ съ тѣмъ предвѣщали близость очищенія съ полей снѣга и лѣтняго тепла (область *прелѣть*).

<sup>1)</sup> Област. Слов. 190—196. стр., Микутск. т. 1, 596 стр.

<sup>2)</sup> Ibid

4) *Апрѣль*—древнерус. *берѣзоворѣ* и *березозолѣ*, малорос.—*цвѣтень*<sup>1)</sup>; рус. области. заиграй-овражки (время полои воды, когда ручьи съ шумомъ, какъ бы радуясь привѣту весенняго солнца, скачуть съ горъ и по оврагамъ). Изъ сопоставленія приведенныхъ нами названій мѣсяца апрѣля, значеніе которыхъ понятно само по себѣ, объясняется причина разнообразія славянскихъ названій мѣсяцевъ и вмѣстѣ—самый способъ образованія ихъ въ языкѣ. Природа одна, но силы ея въ разныхъ мѣстностяхъ и странахъ дѣйствуютъ различно; въ одномъ мѣстѣ онѣ пробуждаются отъ зимнаго сна ранѣе и дѣйствуютъ живѣе, полнѣе, въ другомъ и поздно начинаютъ дѣйствовать и обнаруживаются слабѣе, какъ бы съ нѣкоторымъ усиленіемъ и борьбою. И все это со всею полнотою отразилось въ народной рѣчи—въ названіяхъ разныхъ предметовъ и явленій природы, между прочимъ и въ названіяхъ мѣсяцевъ. Одинъ и тотъ же признакъ или явленіе природы въ разныхъ мѣстахъ бываетъ и въ разное время; но онѣ не ускользаютъ отъ вниманія и наблюдательности народа и дѣлается достояніемъ его языка. Отсюда произошло сходство въ названіяхъ предметовъ или явленій природы, встрѣчаемое у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ народовъ—какъ напр. березозолѣ у великороссовъ и малороссовъ; но это отнюдь не есть заимствованіе одного у другаго, какъ это бываетъ въ позднѣйшія эпохи народнаго развитія; напротивъ у каждаго это слово свое собственное, имъ непосредственно созданное. Это вполнѣ доказываетъ то обстоятельство, что одно и тоже названіе прилагается разнымъ явленіямъ, какъ напр. березозолѣ—къ марту и апрѣлю. При заимствованіи же, этого не могло бы быть. Такимъ образомъ нашъ народъ въ первобытныя времена своей жизни названія предметовъ, а равно и самый языкъ

<sup>1)</sup> Ibid

свой не искусственно создавалъ, не выдумывалъ изъ головы своей, какъ нѣкоторые полагаютъ, но живописно воспроизводитъ въ немъ то, что его окружало, что такъ или иначе дѣйствовало на него. Языкъ для народовъ въ древнюю эпоху ихъ быта, какъ напр. для нашихъ прапраотцевъ былъ не столько органомъ сообщенія мыслей, сколько орудіемъ живо, наглядно, со всѣми оттѣнками изображать видимые предметы и ихъ явленія, и во всей этой цѣльности передавать ихъ другому.

5) *Май*-древнерус. и малор.-*травенъ*, областн. русск. *муръ* (мурава-трава) и росеникъ (отъ роса, время утреннихъ и вечернихъ росъ) <sup>1)</sup>. Эти названія не требуютъ объясненій, и будучи сопоставлены между собою восполняютъ другъ друга и даютъ понятіе о практическомъ характерѣ міровоззрѣнія славянъ на природу.

6) *Іюнь*-древнерус. *изокъ*, малорус. *червень* <sup>2)</sup>. Названіе іюня-изокъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, означаетъ кузнечика <sup>3)</sup>. Въ одной рукописи XVII в. при счисленіи древнихъ названій мѣсяцевъ іюнь названъ *наутной* сирѣчь камарной <sup>4)</sup>. Названіе это могло произойти отъ размноженія въ іюлѣ комаровъ и кузнечиковъ, оводовъ и другихъ насекомыхъ, которые обыкновенно въ эти жаркіе дни отравляютъ жизнь и человѣку и животнымъ. Размноженіе насекомыхъ особенно дѣлается несноснымъ для поселянина во время полевыхъ работъ, которыя уже начинаются у насъ въ концѣ іюня.

7) *Іюль*-древнерус. *червень*, малорос. *липень*. Названіе червень, червенець и червецъ происходитъ отъ корня-*червь* и указываетъ на особенное размноженіе въ іюлѣ

<sup>1)</sup> Обл. Слов. 190—196.

<sup>2)</sup> Ibid. <sup>3)</sup> Зап. Рус. Геогр. Общ. Этн. Отд. 1, 593 стр.

<sup>4)</sup> Ibid.

червей. Мѣсяць іюль—самое жаркое и самое рабочее время на Руси; отъ скопленія мѣзмовъ и нечистотъ черви всюду появляются и быстро размножаются; малѣйшій недосмотръ за раной на тѣлѣ человека или животного бываетъ причиною появления червей; тогда какъ въ другое время года этого не замѣчается. Между насѣкомыми въ іюлѣ мѣсяцѣ особенно часто начинаютъ появляться такъ называемые свѣтящіеся червячки, которые и по нынѣ въ глазахъ суевѣрнаго народа имѣютъ какое-то таинственное значеніе. Также въ іюлѣ появляются особаго рода черви, имѣющіе способность окрашивать предметы,—такъ если взять ихъ въ руки, то остается красное пятно. Этихъ-то червячковъ, надо полагать, собирали у насъ въ древнія времена для окрашивания матерій; отсюда-то красный цвѣтъ самый древній и самый любимый въ нашемъ простонародѣ, и онъ называется червленинъ. Такимъ образомъ червь для русскаго человека имѣлъ большое значеніе, и послужилъ главнымъ признакомъ для названія мѣсяца. Малороссійское же названіе іюля—*липенцъ* (отъ липа) указываетъ на то, что въ Малороссіи въ это время цвѣтеть липа, и цвѣтъ этотъ по деревнямъ собирается всегда въ большомъ количествѣ.

8) *Августъ*—древнерус. *зарѣвѣ*, малорос.—*серпенцъ*, област.—*зорникъ* <sup>1)</sup>). Эти названія указываютъ на созрѣваніе и уборку хлѣба, которая обыкновенно оканчивается въ августѣ.

9) *Сентябрь*—древнер. *рюницъ*, малор. *рюснь* <sup>2)</sup>). Эти названія происходятъ отъ корня—ревѣть и указываютъ на то, что въ сентябрѣ, какъ и въ августѣ въ Великороссіи, скотина домашняя начинаетъ ревѣть отъ физиологическихъ, половыхъ причинъ.

10) *Октябрь*—древнерус. *листопадъ*, время замѣранія

<sup>1)</sup> Простонар. Слов. <sup>2)</sup> Ibid.

творческихъ силъ природы, когда начинаютъ падать, осыпаться съ деревь листья;—малорус. *поздерникъ* отъ областного поздеръ—кострика, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ начинаютъ мять ленъ, коноплю, замашки или пряженцы (отъ прясть); кострика имѣла большое приложеніе въ домашнемъ быту, и потому послужила признакомъ для названія мѣсяца.

11) *Ноябрь*—древнерус. *груденъ*, малор. *листопадъ* <sup>1)</sup>. Названіе *груденъ* (отъ *груда*, кусокъ камня, или твердой, по преимуществу замерзшей земли) указываетъ на большіе морозы въ ноябрѣ, когда они бывають особенно ощутительны при безснѣжьи: земля въ этомъ мѣсяцѣ бываетъ еще иногда какъ говорится на Руси, почти голая, а морозы жестоки; отъ этого дороги дѣлаются дурными отъ грудъ грязи, образующихся послѣ ненастной, дождливой погоды, какая обыкновенно бываетъ въ октябрѣ и концѣ сентября. На это значеніе древнерус. названія мѣсяца—груденъ указываютъ слова лѣтописца: «поидоша на колехъ—(колесахъ) и по грудну пути,—бѣ бо тогда мѣсяць груденъ; а зима была гола (холодная и безснѣжная) и ходъ конемъ былъ грудовать» <sup>2)</sup>. Зная бытъ русскаго народа, можно понять, какъ тяжелъ былъ для него мѣсяць ноябрь—холодный и безснѣжный, когда нельзя ѣхать ни на телѣгѣ, ни на санихъ, а между тѣмъ ѣзда для поселянина въ это время совершенно необходима. Труды и непріятности, какіе встрѣчались въ дорогѣ, и были причиною названія мѣсяца—*груденъ*.

12) *Декабрь*—древнер.—*студенъ* (студенный, холодный, отсюда древнеславянское—студъ—стыдь, нравственный холодъ или охлажденіе къ чести и совѣсти), малорус. *груденъ* <sup>3)</sup>. Эти названія декабря понятны намъ изъ предъидущихъ объ-

<sup>1)</sup> Нар. календари. <sup>2)</sup> Ист. Рос. Госуд. Карамз. т. 2, пр. 159.

<sup>3)</sup> См. народ. календ.



ясненій, и согласно указываютъ на декабрь, какъ на время холодное (студень) и особенно тяжелое для нѣкоторыхъ народовъ по своему безснѣжью.

Перечисленные нами древне-русскія названія мѣсяцевъ даютъ намъ понятіе о бытѣ нашихъ предковъ и ихъ міровоззрѣніи, лежащемъ въ основѣ ихъ религіозныхъ праздниковъ. Наши древне-русскія названія мѣсяцевъ показываютъ, что наши предки искони вели осѣдлую земледѣльческую жизнь. Поэтому кругъ наблюденій ихъ ограничивался такими явленіями видимой природы, которыя такъ или иначе отражаются на бытѣ поселяннина-земледѣльца.

Названія круга луннаго движенія, какъ понятной для нихъ мѣры времени и трудовъ, они заимствовали отъ видимыхъ предметовъ и явленій природы; напр. отъ произрастанія травы, распусканія цвѣтовъ и деревьевъ, отъ начала полевыхъ работъ-сѣнокоса, жатвы, отъ появленія насѣкомыхъ и наконецъ отъ физическихъ явленій или въ лѣтнюю жару или же въ зимніе трескучіе морозы. Все это спльно вліяло на бытъ нашихъ предковъ-земледѣльцевъ, которые должны были или спѣшить своими работами, усердно хлопотать и думать о себѣ, какъ бы готовясь постоянно въ какой-то далекой путь, или же закупориваться дома и испытывать осеннюю слякоть, зимнюю мятель и скуку долгихъ темныхъ ночей. Отсюда-то произошло то разнообразіе повѣрій, предразсудковъ, суевѣрныхъ обычаевъ и праздниковъ народныхъ, которое и до сихъ поръ поражаетъ наблюдателя жизни русскаго народа. Какъ въ названіяхъ мѣсяцевъ нашъ народъ выразилъ свое воззрѣніе на міръ Божій и свои впечатлѣнія, которыя онъ получалъ отъ соприкосновенія съ окружающими его предметами и явленіями; такъ въ праздничныхъ обрядахъ, повѣріяхъ, суевѣріяхъ онъ запечатлѣлъ свои думы и фантастическіе образы, слагавшіеся въ немъ подъ вліяніемъ тѣхъ же явленій и предметовъ ви-

димаго міра, и сдѣлавшіеся для него въ послѣдствіи предметомъ мѣра, а наконецъ—предметомъ его религіи и празднованія. Отдѣльные дни, какъ мы уже говорили, у нашихъ предковъ не имѣли особыхъ названій; на это не сохранилось никакихъ указаній въ древнихъ памятникѣхъ. Можно только предполагать это по тѣмъ народнымъ названіямъ частныхъ дней, какія употребляются теперь въ народномъ календарѣ и приурочены къ церковно-христіанскимъ именамъ дней. Можно думать, что свои названія дней предки наши прилагали къ новымъ для нихъ непонятнымъ христіанскимъ именамъ, для удобства запомнить ихъ и для объясненія ихъ. Народныя названія дней, перешедшія теперь въ прозванія, заимствованы или отъ явленій видимой природы или же отъ обыденныхъ занятій. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: январь—16-го Петръ—полукормъ (намекъ на половину прошедшей зимы, когда скотина стоитъ дома, и къ этому времени она уже успѣваетъ поѣсть половину корма), 18-го Аѳанасій—лomoносъ (намекъ на сильные морозы), 22-го Тимоѣей—полузимникъ, а 24-го Акулина—полузимница. Февраль—11-го Василиій—сшиби рогъ съ зимы! (намекъ на прекращеніе или ослабленіе такъ называемыхъ крещенскихъ морозовъ, бывающихъ въ теченіи января). Мартъ—1-го Евдокія—плюшниха (капельница), 4-го Герасимъ—грачевникъ и пр. Апрель—8-го Родіонъ—ледоломъ (намекъ на вскрытіе льда и начало полодй воды), 23-го Егорій—скотонасъ (начало выгона скота въ поле для кормленія), 26-го Степанъ—ранопашецъ (указаніе на начало весеннихъ полевыхъ работъ). Май—2-го соловьиный день (начало соловьиного пѣнія), 9-го Николай—травяной (указаніе на появленіе въ Великороссіи зелени, травы), 23-го Леонтій—огуречникъ (время посадки огурцовъ). Іюнь—13-го Петръ—поворотъ (лѣтній поворотъ солнца на зиму), Акулина—гречушница (начало посѣва гречихи). Іюль—23-го Пудъ и Тро-

Фимъ-безсошникъ (время успешной полевой работы). Августъ — 26-го Наталья-овсяница, 28-го Анна-скирдница (время уборки ярового хлѣба). Сентябрь — 24-го Фекла-заревница (отъ ревѣть въ смыслѣ объясненномъ нами выше по отношенію къ домашнему скоту). Декабрь — 12-го Сипридонъ-созоноворотъ (указаніе на поворотъ солнца съ зимы на лѣто) и пр. и пр. Всѣ приведенныя названія дней указываютъ съ одной стороны большой запасъ въ народѣ естественныхъ свѣденій и строгую внимательность его къ явленіямъ природы, — напр. по одному простому наблюденію онъ съ точностію опредѣляетъ день солнечнаго поворота, — а съ другой — показываютъ усилія народа объяснить собственными средствами непотятный для не книжнаго человѣка церковно-греческій календарь.

Путемъ того же непосредственнаго наблюденія надъ явленіями природы, каковыми руководились наши предки при выработкѣ основныхъ календарныхъ понятій, они дошли и до опредѣленія начала года. Жизнь природы, ея творческія силы, послѣ зимы начинаютъ замѣтно пробуждаться съ наступленіемъ перваго весенняго мѣсяца — марта. Тогда лучи солнечные не только согрѣваютъ, но и животворно дѣйствуютъ на все живущее. Тогда начинаютъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе появляться у насъ разные предвѣстники наступающей жизни природы; напр. прилетаютъ разнаго рода птицы, показываются изъ подъ снѣга растенія и пр. Все это не могло не обратить на себя вниманія нашихъ предковъ, которые были въ полномъ смыслѣ дѣтьми природы и во всемъ зависѣли отъ нея. И потому, начало пробужденія жизни въ природѣ было принято ими и за начало года, а мартъ мѣсяць первымъ въ году. Но опредѣленнаго дня, съ котораго бы начинался годичный кругъ, предки наши не знали; для нихъ цѣлый мѣсяць былъ тѣмъ же, чѣмъ для насъ въ настоящее время служить первое

января, т. е. началомъ и праздникомъ новаго года. Въ слѣдствіе такой неопредѣленности въ счетѣ дней, древняя хронологія наша чрезвычайно запутана. До введенія у насъ христіанства, собственно говоря, ея совсѣмъ не было. Время событій тогдашней нашей исторіи опредѣлялось при помощи сближенія ихъ съ событіями другихъ народовъ, и по преимуществу грековъ; такъ что въ основаніи древней нашей хронологіи *лежитъ не нашъ народный календарь, а иностраннѣй-греческій*. Послѣ же введенія христіанства, у насъ вполнѣ былъ принятъ греческій календарь съ святцами. Съ этого времени и начинается у насъ болѣе или менѣе точное лѣтосчисленіе. Но эта хронологія была принята собственно нашею Церковію, и въ ней находила себѣ приложеніе; что же касается до народа, то онъ очень долго продолжалъ держаться своихъ прежнихъ способовъ времясчисленія. Тогда какъ Церковь, руководясь греческимъ календаремъ и святцами, приняла годичный кругъ индиктовый-сентябрскій, съ сентября она начинала кругъ своихъ дневныхъ службъ и вела свое времясчисленіе; народъ и князья наши оставались при своемъ мартовскомъ годѣ, и даже мѣсяцы продолжали называть по старинному. Преподобный Несторъ въ своей лѣтописи, а за нимъ и его продолжатели также держались мартовскаго года <sup>1)</sup>. Обычай начинать годъ мартомъ мѣсяцемъ, со введеніемъ у насъ христіанства, на первыхъ порахъ не только не ослабѣлъ, но даже еще болѣе укрѣпился. Онъ нашелъ себѣ оправданіе въ распространившихся у насъ апокрифическихъ сказаніяхъ, по которымъ сотвореніе міра и человѣка относится именно къ марту мѣсяцу <sup>2)</sup>. Поэтому-то можетъ быть наши лѣтописцы и древ-

<sup>1)</sup> См. Чт. Общ. Ист. и Др. годъ 2-й т. II, 1—38.

<sup>2)</sup> Въ житіи Стефана пермскаго, помѣщенномъ въ Памятн. Стар. Русск. лит. т. IV, на стр. 130 и дал. говорится такъ:

ніе писатели, держась луннаго года, счетъ годовъ всегда начинаютъ отъ сотворенія міра. Къ сентябрюскому же лѣтосчисленію, съ первыхъ дней усвоенному нашею Церковію, перешли у насъ не ранѣе начала 15 го вѣка, и то только писатели,—такъ напр. въ Троицкой лѣтописи это времясчисленіе начинается съ 1407-го года. Въ общежитіи же и дѣлахъ гражданскихъ сентябрьскій церковный годъ заступилъ мѣсто мартовскаго только въ самомъ концѣ 15-го вѣка—именно въ 1492 г. Въ этомъ году созванный въ Москвѣ *церковный соборъ постановилъ окончательно перенести начало гражданскаго года съ 1-го марта на 1-е сентября*, и такимъ образомъ гражданскій праздникъ новаго года и времясчисленіе совпали съ церковными. Это продолжалось до

»Мартъ мѣсяць начало всѣмъ мѣсяцемъ, иже и первый наречется въ мѣсяцѣхъ, ему же свидѣтельствуеть и Моусей Законодавецъ, глаголя: мѣсяць же вамъ первый въ мѣсяцѣхъ да будетъ мартъ... Марта бо мѣсяца начало бытія,—вся тварь Богомъ сотворена бысть отъ небытія въ бытіе, марта же мѣсяца въ 21 (а по другимъ 25) день и первозданный человекъ, родоначальникъ Адамъ рукою Божіею созданъ бысть«. Въ силу ли этого общераспространеннаго вѣрованія или же въ слѣдствіе наблюденія надъ явленіями природы, только мартъ мѣсяць признавался за начало года не одними нашими предками, но почти всѣми народами древняго, дохристіанскаго міра. Съ марта начинали свой годъ: евреи, индусы, персы, египтяне, греки и римляне. И только за сорокъ лѣтъ до Р. Хр. мартовскій или лунный годъ былъ замѣненъ январскимъ или солнечнымъ. Трудъ этотъ совершенъ египетскимъ ученымъ Созигеномъ по приказанію Юлія Цезаря. Но несокрушимымъ памятникомъ луннаго года и прежняго способа времясчисленія служатъ до нынѣ сохранившіяся латинскія названія нѣкоторыхъ мѣсяцевъ,—напр. сентябрь, октябрь и пр. указываютъ на древнѣйшій, количественный способъ веденія счета мѣсяцевъ отъ марта, и именно—сентябрь седьмой отъ марта, октябрь восьмой, ноябрь девятый и пр....

1700 года; въ этомъ году гражданское лѣтосчисленіе опять отдѣлилось отъ церковнаго, и начало новаго года перенесено съ 1-го сентября на 1-е января <sup>1)</sup>). Такимъ образомъ Россія только съ 1700 года, по указу императора Петра Великаго, приняла болѣе точный и опредѣленный солнечный годъ, крутъ котораго составленъ былъ еще при Юліѣ Цезарѣ. Въ народѣ нашемъ въ настоящее время совсѣмъ вывелся изъ употребленія древній обычай начинать годъ мартомъ мѣсяцемъ, народъ уже не считаетъ его первымъ мѣсяцемъ въ году; но древнія религіозно-бытовыя воззрѣнія на время этого мѣсяца еще крѣпко держатся въ его сознаніи и по настоящее время. Разнаго рода обряды, обычаи и повѣрья, соединяемые народомъ нашимъ съ этимъ мѣсяцемъ, такъ или иначе выражаютъ радостную мысль о приближеніи весны. Взглядъ этотъ на мартъ мѣсяцъ выражается между прочимъ и въ тѣхъ названіяхъ, которыя нашъ народъ прибавляетъ къ именамъ святыхъ этого мѣсяца. Такъ напр.: марта 1-го Евдокія-плюшница, — начало животворнаго дѣйствія солнечныхъ лучей (слово «плюшница» происходитъ отъ областнаго-плющать, что значитъ капать, течь, издавать звукъ падающихъ капель, — плюшка и плюшина по областному нарѣчію значить сосулька подъ крышами), 4-го Герасимъ-грачевникъ (день прилета грачей-предвѣстниковъ теплой поры года и вмѣстѣ оживленія природы), 17-го Алексѣй-съ горъ потеки или потоки (начало таянія снѣга и полои воды), 19-го Дарья-загрязни проруби (время скопленія нечистотъ на мѣстахъ зимняго водоязга скота; зимою нечистота на этихъ мѣстахъ примерзаетъ ко льду, и не видна бываетъ, а къ 19-му марта отъ нагрѣванія солнечныхъ лучей, когда ледъ еще не успѣлъ тро-

<sup>1)</sup> Чт. Об. Ист. Др. т. II, стр. 1—38. Ж. М. Нар. Пр. за 1849 г. т. II, стр. 146.

нутъся, но уже покрывается водою, нечистота, бывшая на немъ, всплываетъ и грязнить его) <sup>1)</sup> и пр.

Изъ сказаннаго доселѣ видно, что предки наши выработали себѣ основныя календарныя понятія единственно путемъ непосредственнаго наблюденія надъ явленіями видимой природы и держались луннаго года. Кругъ годичный дѣлили на періоды, границы которыхъ не были опредѣлены съ математическою точностію. Количество дней въ году и въ мѣсяцахъ было болѣе или менѣе произвольное, или только приблизительное къ настоящему ихъ счету.

II. *Послѣловг.*

(Продолженіе будетъ).

## РУССКОЕ ПРОПОВѢДНИЧЕСТВО ПРИ ПЕТРѢ I-мъ <sup>1)</sup>).

Внутреннія преобразованія Петра тѣмъ болѣе требовали восхваленія и разъясненія ихъ пользы, чѣмъ болѣе возбуждали противъ себя въ народѣ недоразумѣній и ропота. Большую часть преобразованій Петра проповѣдники восхваляютъ въ общихъ чертахъ и какъ бы мимоходомъ, какъ бы сознавая свою неполную компетентность въ сужденіи о мірскихъ дѣлахъ. Восхваляли проповѣдники счисленіе новолѣтія съ 1 генваря, а не съ 1 сентября, введенное Петромъ *лучшаго ради сословія съ народами европейскими въ контрактахъ и трактатахъ, такожъ и для порядку чиновъ государства своего, наипаче же для исчисленія лѣтъ отъ прішествія въ міръ Сына Божія*, доказывая, что гораздо приличнѣе и отрадиѣе начинать счетъ дней не съ сентябрьскихъ календъ Константиновыхъ, служившихъ срокомъ взноса податей, а съ того времени, когда пришелъ

<sup>1)</sup> Област. доп. слов. стр. 183. Опытъ Рус. прост. словаря Марков. <sup>2)</sup> См. № 44—й.



въ міръ Избавитель человѣчества отъ всѣхъ даней, наложенныхъ грѣхомъ <sup>1)</sup>). Восхваляли проповѣдники и введенный Петромъ обычай путешествовать по Европѣ, доказывая, что »перегрипація дивно объясняетъ разумъ къ правительству и есть лучшая и живая честная политическая школа, — изрядно обучаетъ дѣламъ военнымъ, — и умножаетъ главную оную мудрость, еже отъ твари познавати Творца« <sup>2)</sup>). Обращая вниманіе на административныя преобразованія Петра, проповѣдники съ похвалою приводили на память »новый сенаторовъ и губернаторовъ санъ, въ совѣтахъ высокій, въ правосудіи неумытныи, желательный добродѣтелямъ, страшный злодѣяніямъ« <sup>3)</sup>), одобряли даже *чинъ фискальскій* (противъ котораго въ свое время вооружался м. Стефанъ Яворскій), нужный будтобы для того, чтобы »всякое злодѣяніе, яко въ земли ехидна сокрытися не могло« <sup>4)</sup>)... Восхваляли проповѣдники и плоды западно-европейской цивилизаціи, пересаживаемые Петромъ на русскую почву, и выражали радость, что »уже и свободныя ученія полагаютъ себѣ основанія, идѣже и надежды не имѣяху, уже арифметическія, геометрическія и прочія философскія искусства, уже книги политическія, уже обоей архитектуры хитрости умножаются« <sup>5)</sup>).

Съ бѣльшимъ вниманіемъ и продолжительностію проповѣдники останавливались на двухъ реформахъ Петра, которыя были вмѣстѣ съ тѣмъ и его любимымъ задушевымъ дѣломъ, — на заведеніи флота и устроеніи новой столицы.

Извѣстно, что любовь къ кораблестроенію зародилась въ Петрѣ еще въ дѣтствѣ при видѣ стараго давно заброшеннаго ботика, и возрасла впоследствии до такой степе-

---

<sup>1)</sup> Θ. Прокоповича слова. II, 116 и слѣд. <sup>2)</sup> Θ. Прокоповича слова. I, 205 и слѣд. <sup>3)</sup> Θ. Прокоповича слова. I, 110. <sup>4)</sup> Θ. Прокоповича слова. II, 151. <sup>5)</sup> Θ. Прокоповича проп. I, 111.



ни, что государь не щадил никаких трудов и издержекъ для того, чтобы дать Россіи сильный флотъ, — въ чемъ наконецъ и успѣлъ. Припоминая слова писанія: *сердце царя во руцѣ Божіей*, проповѣдникъ видитъ особое Божіе смотрѣніе въ томъ обстоятельстве, что вещь малая, ненужная и презрѣнная — именно ветхій ботинокъ — подвигла духъ монаршій къ дѣлу великому. »Кто не скажетъ, что малый ботинокъ противу флота есть аки зерно противу дерева? А отъ того зерна возрасли оныя великая, дивная, крылатая, оруженосная древесца! О ботинокъ позлащенія достойный! Тщались нѣдцы искати на горахъ Араратскихъ доски ковчега Ноева; мой бы совѣтъ былъ ботинокъ сей блюсти и хранить въ сокровищахъ на незабвенную память послѣднему роду»<sup>1)</sup>. Совѣтъ проповѣдника былъ впоследствии исполненъ.

Такъ какъ построеніе кораблей обходилось народу очень дорого, то проповѣдники старались объяснить народу пользу флота, приобретаемаго цѣною такихъ усилій. Гавріиль Бужинскій въ своихъ объясненіяхъ стоитъ болѣею частию на почвѣ исторіи. Онъ сравниваетъ государство, владѣющее сухопутными военными силами безъ морскихъ, съ птицею, пытающеюся летѣть на одномъ крылѣ; припоминая изреченіе Косьмы Медициса о значеніи флота и примѣры, свидѣтельствующіе о важности морскихъ силъ, изъ исторіи Афинъ и Спарты, Рима и Карфагена. »Единымъ симъ пособіемъ« (т. е. флотомъ), — заключаетъ проповѣдникъ, — »далчайшія страны покоряются, воипнству помощь ко пропитанію преподается, и буда чрезъ многія лѣта сухопутныя войска достигнути не въ состояніи, то въ короткое время корабельныя силы содѣлати могутъ«<sup>2)</sup>. О. Прокоповичъ въ своемъ словѣ *въ похвалу флота* высказываетъ болѣе об-

<sup>1)</sup> О. Прокоповича проп. II, 48—50. <sup>2)</sup> Г. Бужинскаго слова. 19—21.

щія соображенія о необходимости мореплаванія для оправданія цѣлесообразнаго устройства міра, и въ частности моря. »Да разсудитъ всякъ, къ чему толь пространная поля, водная моря и безмѣрный океанъ создалъ Богъ! къ питію ли? довѣли бы на сіе рѣки и источники, а не тозиковое водъ множество, болшую часть сего земноводнаго круга объѣмшее, еще же и къ питію человѣческому весьма неудобное. Сія того вина есть (яко премудръ разсуждаетъ Василій В. въ своемъ *мистодигивіи*), что Премудрый міра Создатель, промысляя человѣкомъ взаимное друголубіе, не благоволилъ всѣмъ странамъ земнымъ всякіе плоды, житію нашему потребныя, произносить, ибо тогда сіи жители на оныхъ, а онѣи на сихъ ниже посмотрѣли бы, единъ отъ другаго помощи не требуя. Раздѣлялъ убо Творецъ земная своя благая различнымъ странамъ на части, дабы такъ едина отъ другой требуя взаимнаго пособія лучше въ любезный союзъ сопрягаться могли. Но понеже не возможно было людямъ имѣти коммуникацію земнымъ путемъ отъ конецъ до конецъ міра сего, того ради великій Промыслъ Божій проіавъ промыслъ селенія человѣческая водное естество, взаимному всѣхъ странъ сообществу послужити могущее. А отъ сего видимъ, какая и коликая флота морскаго нужда, видимъ, что всякъ, сего не любящій, не любитъ добра своего и Божію о добрѣ нашемъ Промыслу неблагодаренъ есть <sup>1)</sup>. Дальнѣйшія соображенія Ѳ. Прокоповича о необходимости военнаго флота для безопасности приморскаго государства, и въ частности Россіи, въ сущности сходятся съ разсужденіями Г. Бужинскаго.

Построеніе Петербурга, того, по выраженію Петра, *парадиза для рая Божьяго*, также было любимымъ дѣломъ государя, также было обременительно для его подданныхъ, — и также нужны были хвалебныя проповѣди для примиренія

<sup>1)</sup> Ѳ. Прокоповича слова. II, 52 и слѣд.

русскихъ людей съ ихъ новою столицею. »А ты, новый и новоцарствующій граде Петровъ (говорилъ Прокоповичъ, обращаясь къ Петербургу), не высокая ли слава еси фундагора твоего? идѣже ни помыслъ кому былъ жительства человѣческаго, достойное вскорѣ устроишь мѣсто престолу царскому. Кто бы отъ странныхъ здѣ пришедъ и о самой истинѣ не увѣдавъ, кто бы, глаголю, узрѣвъ таковое града величество и величїе, не помыслилъ, яко сіе отъ двухъ или трехъ сотъ лѣтъ уже зиждется? Сіестъ тщательствомъ монарха нашего испразднися древняя оная сафматская пословица: *не разомъ Краковъ будовано*»<sup>1)</sup>. Но скоростъ построенїа еще не важное достоинство, особенно если оно достигалось принудительными мѣрами. А такія мѣры дѣйствительно имѣли мѣсто при построенїи Петербурга. Люди достаточные волею-неволею должны были строить дома въ новой столицѣ; на нѣсколько лѣтъ прекращены были каменные работы во всемъ государствѣ, и каменщики были высланы исключительно для построекъ петербургскихъ; туда же отправляемы были десятки тысячъ крестьянъ для земляныхъ работъ и т. д. При такихъ мѣрахъ можно было ускорить постройку города. Но чего это стоило народу? Переселенцы тяжко страдали отъ непривычнаго климата, сырости, недостатка съѣстныхъ припасовъ, и умирали тысячами; такъ что совершенно вѣрны слова Пушкина о Петербургѣ:

Богатырь его построилъ,

Тонь бостями забутилъ.

Трудно было не роптать петербургскимъ переселенцамъ: »зане ради многаго отстоянїа и далекости отъ Россїи всякая свудость происходить; якоже и многихъ ради людей въ работахъ умирающихъ«. Что же отвѣчалъ на этотъ ропотъ

<sup>1)</sup> Ө. Прокоповича слова. I, 112—113.

проповѣдникъ? Вотъ что: »общему благу завидящій звѣріе! воспріимите на ся образъ человѣческій, и еще имате что разума разсудите, кое начало не есть трудное, вѣй путь первый не есть затруднительный?... Здѣ (т. е. при построении Петербурга) всякій трудъ услаждаетъ возрастающая слава, здѣ всякимъ скудостямъ наполненіе обѣщаваютъ начиншіяся уже прибыли. Речши убо, якоже обыклъ еси: *кто оны узритъ? кто того дождати возможенъ?* Не твориши ли сице въ домѣ твоємъ? Не насаждаеши ли всерогады, не разсѣваеши ли дѣвеса плодоносныя, ихъ же плоды развѣ чада чадъ твоихъ имуть употреблять?... Аще ли о смерти многихъ людей болѣзнуеши, воззри на грады величайшіе: сія въ нихъ кромѣ всякихъ нуждъ бываемая обращени: аще въ пуждахъ, аще въ благополучіи, аще въ трудахъ, аще въ праздности всякаго свой конецъ ожидаетъ. Егда кому премилосердый Богъ своими непостижимыми судьбами вую опредѣлилъ смерть, сея никтоже когда можетъ убѣгнуть. Суть посредѣ многихъ на брани, въ обуреваніи морскомъ, въ страшныхъ пожарахъ спасшіися отъ смерти; обрѣтаются же многіе посредѣ пировъ и во всякомъ безопасствѣ житіе свое окаянно скончающіи<sup>1)</sup>. Конечно для проповѣдника, стоявшаго на высотѣ общихъ воззрѣній, легко было утверждать, что смерть неизбежна и что умереть нѣсколькими годами раньше или позже не составляетъ большого разсчета; но для петербургскихъ переселенцевъ конечно не было большой охоты спѣшить на встрѣчу смерти и едва ли они успокоивались подобными разсужденіями. Болѣе значенія могли имѣть тѣ рѣчи проповѣдника, гдѣ онъ доказывалъ пользу и преимущества новой столицы. Красота мѣстоположенія, удобство для виѣшней торговли и стратегическая важность—вотъ тѣ стороны, съ которыхъ

<sup>1)</sup> Гавр. Бужинскаго слова. 31—33.

проповѣдникъ находилъ возможность хвалить Петербургъ. »Не токмо всю Россію расположеніемъ и красотою превосходить мѣсто (Петербургъ)—говорилъ Г. Бужинскій,—но и въ иныхъ европейскіхъ странахъ не токмо равно, но ниже подобное обрѣтися можетъ«. Конечно это—чрезмѣрная похвала для туманнаго и болотистаго Петербурга, хотя изображаемая даже проповѣдникомъ многоводная Нева и образуемые ею острова дѣйствительно заслуживаютъ похвалы. Торговое значеніе Петербурга проповѣдникъ изображаетъ такъ: »Купечество нигдѣ лучше не процвѣтаетъ, какъ въ мѣстахъ приморскихъ. Какое видится тамъ всего изобиліе, гдѣ находятся пристани морскія, и такой напро- тиву того примѣчается во всѣхъ даже и нужныхъ вещахъ недостатокъ въ тѣхъ селеніяхъ, которыя отдалены отъ моря, или паче лишены пристанищъ морскихъ! Провидѣтъ сіе мудрый и великій въ христіанѣхъ Константинь, новый Римъ при исходнищахъ морскихъ воздвигнувшій и градъ оный своимъ именемъ нарекишій. Сія предзрѣвъ и Россійскій обладатель... градъ сей въ превеликую Россіи создалъ помощь,... безбѣдное отъ всего міра въ Россію купеческимъ кораблямъ содѣлалъ пришествіе, не токмо испанскими, французскими, аглинскими, голландскими и прочихъ европейскіхъ странъ богатствы исполненнымъ, но и самыхъ новаго міра жителей изобильно сокровища носящимъ«. О стратегическомъ значеніи Петербурга проповѣдникъ говоритъ: »Подъ островомъ Котлинымъ нѣдро (морское) единъ только глубочайшій узкій имать въ море проходъ, нѣже на самыхъ водахъ сооружена знатная крѣпость, именуемая *Кропило*, непріятельскіе корабли воспещающая и ко граду приходити не допускающая. россійскому же флоту къ защищенію и стоянію благопотребная... Брань толь лютая, чрезъ многая лѣта въ Европѣ безпрестанно палящая, паче же въ Россіи съ нечистымъ львомъ свейскимъ горящая не иныя ради вины ничтоже вредити толь разширенному государству можетъ, токмо градъ сей единъ все величество брани на себѣ единомъ содержать... сей единъ столикъ крѣпости отъ лица вражія«<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Бужинскаго въ собр. словъ. *Слово въ похвалу С.-Петербургу и его основателя... при поднесеніи Ею Величеству первовырызаннаго на мѣди плана и фасада Петербургу*, 1—36.

Довольно о панегирических проповѣдяхъ Теофановскаго направленія. Нельзя не признать, что не смотря на многія преувеличенныя похвалы Петру и его реформѣ, проповѣдники высказывали много умныхъ и справедливыхъ сужденій. Въ ихъ рѣчахъ слышится не голосъ лести, а голосъ искренняго убѣжденія. Они не поддавались только подъ вкусъ государя, но дѣйствительно входили въ духъ его преобразовательныхъ стремленій, искренно имъ сочувствовали и твердо вѣрили въ пользу ихъ для Россіи. При тогдашнихъ условіяхъ общественной жизни церковные проповѣдники были единственными публицистами, — и притомъ публицистами ревностными и даровитыми. Поэтому — то не рѣдко Петръ по выслушаніи проповѣдей приказывалъ немедленно печатать ихъ для всеобщаго свѣденія <sup>1)</sup>).

ОБЪЯВЛЕНІЕ  
ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА  
**ДѢТСКІЙ САДЪ**<sup>66</sup>  
въ 1871-мъ году.

Заканчивая 5-й годъ существованія нашего журнала сначала его выхода и 2-й годъ нашею редакціею, мы обязанностию считаемъ сдѣлать обзоръ своей дѣятельности за эти послѣдніе два года, оставляя въ сторонѣ первые три года, такъ какъ въ теченіи ихъ «Дѣтскій Садъ» занимался, преимущественно, вопросами о воспитаніи маленькихъ дѣтей. Въ настоящее же время, цѣль нашего журнала составляетъ *улучшеніе домашнего и общественнаго воспитанія дѣтей всѣхъ сословій*, до того возраста, когда педагогическая дѣятельность родителей и воспитателей, чрезъ поступленіе дѣтей въ учебныя заведенія, по необходимости, мало по малу ослабляется, всецѣло переходя въ руки начальства этихъ заведеній. Поэтому мы желаемъ представить краткій перечень статей, помѣщенныхъ нами въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, дабы читатели могли сами судить,

<sup>1)</sup> Въ книгѣ г. Пекарскаго *Наука и литература въ Россіи при Петрѣ I*-мъ исчислено и описано около 20 проповѣдей, напечатанныхъ при Петрѣ отдѣльными брошюрами; но ихъ было конечно больше. (См. №№ 148, 329, 331, 332, 335, 364, 383, 420, 423—4, 428—9, 454, 495, 506, 523, 537).

остались ли мы вѣрны своей программѣ — издавать нашъ журналъ *для жизни и для*.

Такъ, для ухода за дѣтми въ гигиеническомъ отношеніи, начиная со дня ихъ рожденія, мы представили статью «Совѣты молодымъ матерямъ», а для послѣдовательнаго умственнаго развитія ихъ, читатели наши найдутъ указанія для себя въ статьяхъ: «Азбука нагляднаго обученія Песталоцци», «Бесѣды о наглядномъ обученіи» и «Педагогическія игры и значеніе ихъ въ дѣлѣ воспитанія». Далѣе, какъ руководящія педагогическія статьи мы можемъ назвать: «Жизнь и стремленіе Дистервега», «Теорія воспитанія Спенсера», «О совѣстномъ воспитаніи мужчинъ и женщинъ», «Нѣсколько словъ о народномъ воспитаніи», «Очень важная педагогическая замѣтка», «О случаевъ изъ жизни», «Образцовые уроки по естествовѣденію» и многія другія, касающіяся различныхъ сторонъ воспитанія и педагогическихъ вопросовъ. Къ числу такихъ руководящихъ статей мы причислемъ и педагогическую повѣсть П. Д. Бѣлова «Виновата-ли она?» которую мы назначили собственно для родителей и, развѣ только, для дѣтей старшаго возраста.

Наконецъ, для чтенія дѣтямъ разныхъ возрастовъ или для разсказовъ имъ, мы дали: «Русскіе Робинзоны», «Картофель и живущіи на немъ насекомыя», «Писчая бумага», «Пыль», «Дочери Ярослава», «Горячія вещества», «Куда улетаютъ птички», «Ядовитыя растенія», «Лебедь», «Воронъ и журавль» и др.

Если наши подписчики, съ любовью къ предмету, составляющему цѣль нашего изданія, слѣдили за вѣмъ, что мы предложили имъ въ теченіе нашей двухлѣтней дѣятельности, то они сами могли убѣдиться въ томъ, на сколько мы остаемся вѣрными нашему стремленію: *по мѣрѣ нашихъ силъ и возможности, со-дѣйствовать къ развитію разумныхъ педагогическихъ пріемовъ воспитанія*, т. е. дать родителямъ и воспитателямъ общія правила, которыми они должны слѣдовать или избѣгать, смотря уже по ихъ личнымъ взглядамъ на жизнь и по тому общественному положенію дѣтей, къ которому они готовятся.

Еще нѣсколько словъ: въ критикѣ и библіографіи, мы представляли обзоръ дѣтской, педагогической и учебной литературы. Въ отдѣлѣ хроники, мы, къ несчастію, въ те-



ченіи этихъ двухъ лѣтъ не могли представить много данныхъ, свидѣтельствующихъ, не только объ успѣхахъ образованія въ нашемъ отечествѣ, но даже о сильномъ развитіи грамотности, потому что открытіе нѣсколькихъ сельскихъ школъ мы не считаемъ еще значительнымъ шагомъ къ народному образованію.

Въ заключеніе скажемъ, что хотя мы обѣщали, отъ времени до времени, прилагать дѣтскія игры, но мы этимъ не возлагали на себя непремѣнной обязанности представлять ихъ въ каждомъ № нашего журнала. Имѣя же въ виду, что въ первыхъ трехъ годахъ Д. С. было помѣщено много подвижныхъ игръ и что нашъ журналъ принялъ болѣе широкую программу, мы помѣстили въ немъ такія игры, которыя, давая дѣтямъ пріятное занятіе, вмѣстѣ съ тѣмъ приносятъ имъ пользу, служа, вмѣстѣ съ тѣмъ, родителямъ и наставникамъ поводомъ къ обогащенію ихъ научными свѣдѣніями; напр., сколько вопросовъ возбуждаютъ предложенныя нами игры: устройство маленькаго монгольфера и садовыя работы.

Окончивъ печатаніе повѣсти «Виновата-ли она?» мы съ января 1871 года будемъ помѣщать въ Д. С. новую педагогическую повѣсть: «Маменьки», которую, однако, мы исключительно назначаемъ для чтенія родителямъ, советуя не давать ее дѣтямъ.

#### УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

«Дѣтскій Садъ» выходитъ 12 разъ въ году, книжками отъ 3 до 4-хъ листовъ, въ 8-ю долю.

Подписная цѣна безъ пересылки и доставки 3 р. 50 к. съ доставкой на домъ и съ пересылкою во всѣ города 4 р. (въ томъ числѣ въ Газетную Экспедицію 35 к. и на упаковку и печатные адреса 15 к.)

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ *Редакціи Дѣтскаго Сада, по Стрѣмянной ул. д. № 5, кв. № 7.*

Тамъ же продаются: «Ядовитыя растенія» (съ 24 политипажами) Е. Бороздиной. Ц. 20 к., съ пер. 25 к. «Виновата-ли она?» повѣсть Н. Бѣлова. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Редакторъ-Издательница *Елисавета Бороздина.*

Редакторъ *Владимиръ Толмачевъ.*

Печ. позвол. Кіевъ, 25 ноября 1870 г. Ценс., профес. академикъ, **Н. Щеголевъ.**

Въ типографіи Н. и А. Давиденко (аренд. С. Кузьменко и В. Давиденко).